

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики её преподавания

**Проблема становления характера
в незавершенном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова»:
анализ эпического произведения**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

Исполнитель:
Калашникова Надежда Владимировна,
обучающийся группы РЛ-41

дата

подпись

подпись

Руководитель:
Ермоленко С.И.,
доктор филол. наук, профессор

подпись

Екатеринбург 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	26
1.1. Первые литературные опыты	26
1.2. Формирование реализма: «Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин»	29
1.3. «Неточка Незванова»: история создания романа и первые отклики	41
ГЛАВА 2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ	51
2.1. О сущности понятия «психологизм»	51
2.2. Формы и приемы психологического изображения	56
ГЛАВА 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «НЕТОЧКИ НЕЗВАНОВОЙ»: СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ	63
3.1. «Детство» (гл. I–III)	64
3.2. «Новая жизнь» (гл. IV–V)	74
3.3. «Тайна» (гл. VI–VII)	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	95
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	99

ВВЕДЕНИЕ

В литературоведении советского периода «Неточка Незванова», как правило, рассматривалась в контексте раннего творчества Ф. М. Достоевского. Работа К. В. Мочульского «Достоевский: Жизнь и творчество», вышедшая в 1947 г. в Париже, – одно из первых фундаментальных исследований литературного наследия писателя. Касаясь проблемы жанровой специфики «Неточки Незвановой», в начале своей работы исследователь говорит о том, что это роман, распадающийся на три самостоятельные части, объединенные личностью главной героини, от лица которой ведется повествование. Но уже после Мочульский весьма однозначно пишет, что это – не роман, а три повести, первая из которых посвящена отчиму главной героини, музыканту Ефимову, и кончается его трагической смертью, вторая – истории взаимоотношений Неточки и княжны Кати, прерывающаяся их разлукой, третья, единственная незавершенная, по мнению исследователя, часть – жизни у Александры Михайловны, дочери княгини от первого брака, и ее мужа Петра Александровича. По мнению Мочульского, нет единства между тремя частями произведения, они дистанцированы друг от друга композиционно и стилистически, что и позволяет сделать вывод об их автономности. Следовательно, говорить об отнесенности «Неточки Незвановой» к романному жанру, с точки зрения исследователя, не приходится.

Рассматривая первую повесть, К. В. Мочульский сосредоточивается на анализе образа музыканта Ефимова, указывая на то, что это романтическая натура. В прошлом Ефимова исследователь отмечает таинственное и фантастическое, вошедшее в его жизнь в образе итальянца–капельмейстера, который завещал ему скрипку (тень подозрений в убийстве музыканта Б. падает на Ефимова). Бездарный, казалось бы, кларнетист Ефимов превращается в гениального

скрипача, накапливая в себе злобу и ненависть к жене и Неточке. История о судьбе музыканта и в целом вся повесть, считает Мочульский, переросла в «реалистическую мелодраму», поскольку настоящая жизнь Ефимова – «пьяная и беспутная жизнь, с больной женой и голодной дочерью, все дальше уходит от романтической таинственности»¹.

С точки зрения Мочульского, в «Неточке Незвановой» обнаруживается присутствие автобиографического начала: тема художника, чья слава сменилась бесславием, является личной драмой Достоевского. «Точность наблюдений и взволнованность тона сразу поражают: это – исповедь», которая, по мнению К. В. Мочульского, переносится на образ музыканта Ефимова. Отсюда, утверждает исследователь, в психологической манере писателя столько «мучительства»: «Он [Достоевский] анализирует самого себя не для спокойного познания, а для исцеления. Соблазн славы, нетерпение, малодушие, невозможность отделять свои произведения, "внутреннее бессилие", – во всех этих "грехах против искусства" он приносит покаяние». Достоевский находит выход из кризиса в творчестве, но его преодоленное душевное состояние переносится на музыканта Ефимова, переживающего гибель собственного таланта и доходящего до крайнего помешательства. К. В. Мочульский отмечает: «Часы сомнений и отчаяния Достоевского преображаются в жизненную трагедию Ефимова. В своем творчестве писатель реализует возможности своего духа. Возможность потери таланта и гибели для автора – становится действительностью для героя»². Мочульский проводит параллель с более поздним романом Достоевского «Преступление и наказание» (1866), сравнивая пропивающего последние деньги Ефимова с Мармеладовым, жизнь которого, как известно, трагически обрывается. «Композиция повести о скрипаче Ефимове, – отмечает исследователь, – первый опыт построения больших романов; медленная и детальная психологическая подготовка завершается взрывом катастрофы»³.

---

¹ Мочульский К. В. Достоевский : Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М. : Республика, 1995. С. 268.

² Там же.

³ Там же. С. 269.

Обращаясь к образу Неточки, Мочульский отмечает ее привязанность к отчиму, перерастающую в болезненную любовь, которая побуждает к краже денег у матери (при этом Неточка понимает порочность своего поступка). С одной стороны, Мочульский указывает, что «никогда впоследствии Достоевский не подходил с таким бесстрашием к анализу эротической стихии в детской душе. Невинная Неточка переживает сложное чувство к отчиму, материнское сострадание, детскую привязанность, взрослую страсть. В этой первичной полноте эмоции еще не проходят границы между нормальным и ненормальным»¹. Но с другой, исследователь утверждает, что «Неточка – слишком бледная фигура, слишком рассказчица, а не героиня. Она всегда скромно уступает место другим персонажам и не в силах объединить вокруг своей личности события романа. Она рассказывает историю своей жизни, но судьба ее – сопровождать жизнь людей более значительных, чем она сама»². Очевидно, это противоречие во взглядах Мочульского может свидетельствовать о сложности образа Неточки Незвановой.

К. В. Мочульский, переходя к анализу второй повести, обращается к истории сложных взаимоотношений Неточки и Кати в княжеском доме, куда героиня попадает вскоре после смерти родителей. В этой повести на первый план выходит тема «страшной силы красоты». Неточка с первого взгляда влюбляется в новую подругу, ее до восторга поражает в ней все: прелестное личико, изящество, наряд. Так, подготавливаются образы последующих героинь Достоевского – «гордых женщин», «ослепительных красавиц, пронзающих душу эстетическим восторгом»³. В повести «Неточка Незванова» Достоевский вновь пользуется приемом длительной психологической подготовки и неожиданной развязки: ответное чувство от Кати, гордой, жестокой, раздражительной, Неточке пришлось ждать достаточно долго. Но ожидание только усиливало привязанность Неточки, принимающую вид «эротической стихии», в изображении

---

¹ Мочульский К. В. Достоевский : Жизнь и творчество. С. 269.

² Там же. С. 270.

³ Там же. С. 271.

которой, по мысли Мочульского, раскрывалась ее тонко чувствующая душевная организация.

История отношений Неточки и Кати заканчивается вместе с переездом семьи князя в Москву, а для главной героини начинается новый жизненный этап длиной в восемь лет. Снова повторяется, как утверждает Мочульский, композиционная схема первой и второй повестей: однообразная жизнь в доме Петра Александровича и Александры Михайловны в один момент перерастает в крупную семейную драму, в которой Неточка становится и зачинщиком, и наблюдателем, и непосредственным участником. Но развязка, по мнению исследователя, осложняется незавершенностью повествования. Казалось бы, тихая и размеренная жизнь главной героини в окружении супружеской пары вдруг оживляется сценой с письмом, найденном Неточкой в домашней библиотеке в романе Вальтера Скотта «Сент-Ронанские воды». Но эта сцена обрывается на драматической ноте, на разоблачении Петра Александровича и всей истории жизни их семьи в целом. Неточка выступает здесь, по мнению К. В. Мочульского, не только обличителем «страшного злодея», скрывающегося под маской благодетеля, но и единственным человеком, понявшим трагедию Александры Михайловны и решающим заступиться за нее и даже отомстить. Но полного раскрытия образ Неточки в третьей повести, по мысли исследователя, не получает.

В. Я. Кирпотин в работе «Молодой Достоевский» (1947), в отличие от К. В. Мочульского, указывает, что «Неточка Незванова» все же – незавершенный роман, содержащий в себе три цикла событий, хотя помещает анализ этого произведения в раздел «Повести о мечтателях». Исследователь указывает на то общее, что связывает все ранние произведения Достоевского: внимание к избранной среде, к обездоленным людям, интерес к «тайне человека» и др. Вместе с тем исследователь видит и отличия. «Неточка Незванова», по мнению Кирпотина, – история не одного события из жизни героини, а история всей ее жизни, начиная с ранних лет. Если в ранних повестях Достоевского, замечает исследователь, время измерялось часами и днями, то в «Неточке» наблюдается

расширение временных границ: история музыканта Ефимова, предваряющая основные события, длится 10 лет, история главной героини охватывает одиннадцать лет ее жизни. При этом не будем забывать, что роман остался незаконченным. «Этот пунктуальный счет времени, – пишет Кирпотин, – показывает, что Достоевский изменял привычные темпы своих произведений совершенно сознательно, по строго продуманному плану»¹. Одним из первых в литературоведении В. Я. Кирпотин сказал о том, что композиционно «Неточка Незванова» близка к «воспитательным романам» конца XVIII века.

К образу Ефимова, художника-разночинца, В. Я. Кирпотин, так же, как и К. В. Мочульский, проявляет особый интерес. Однако исследователь сразу оговаривается, что история жизни музыканта нужна была Достоевскому как предыстория самой Неточки, сознание которой формируется в гнетущей атмосфере. «В самом Ефимове, – считает Кирпотин, – Достоевского интересовала по преимуществу не судьба художника, а социальное и философское объяснение его удела». Исследователь отмечает: «История Ефимова замечательна гениальным проникновением Достоевского в природу художнического дарования, глубоким пониманием соотношения таланта и труда, призвания и школы, искусства и мастерства»². Но герой Достоевского не справился с грузом выпавших на его долю бед и невзгод: «истина (разом рухнувшие мечты, которым в действительности не суждено было сбыться) убила Ефимова, потому что всем своим прошлым он не был подготовлен к восприятию ее»³. Он оказался не готов к труду, к предстоящим обязанностям, сделался «жестоким» мечтателем (желал смерти жене, не щадил чувств Неточки). Важно напомнить, что В. Я. Кирпотин относит к разряду мечтателей и мать Неточки, погибшую от ударов действительности, и, собственно, главную героиню романа.

Как утверждает исследователь, в «Неточке Незвановой» дан «генезис мечтательного характера»: «Шаг за шагом, с самых детских лет, прослеживает Достоевский формирование психологического склада Неточки. Достоевский пока-

---

¹ Кирпотин В. Я. Молодой Достоевский. М. : Гослитиздат, 1947. С. 355.

² Там же.

³ Там же. С. 282.

зывает, что образование типа мечтателя обусловлено обстоятельствами и воспитанием»¹. Таким образом, судьба человека зависит от окружающих его условий, внешних факторов. В связи с этим В. Я. Кирпотин вспоминает и Лареньку, предполагавшегося Достоевским партнера главной героини (в романе данный персонаж заменен на княжну Катю), который выросал деспотом под воздействием среды и воспитания.

В. Я. Кирпотин выявляет существенное отличие Неточки от других героев Достоевского: она не была «слабым сердцем», с развитием действия в ней раскрываются черты активного волевого темперамента, и открытая борьба с Петром Александровичем выступает своеобразным результатом этого.

Относительно развязки романа исследователь, соглашаясь с К. В. Мочульским, отмечает, что она прерывается там, где для героини открывается выход в реальный мир, в ней обнаруживается героическое чувство. «Слабая девушка, – продолжает свои размышления Кирпотин, – не имеющая ни жизненного опыта, ни друзей, одна, без чьей-либо поддержки, вступает за беззащитную и оскорбленную подругу свою, начинает единоборство с сильным, опасным и беспринципным врагом»². Неточка восстает на зло в лице Петра Александровича. В отличие от К. В. Мочульского, Кирпотин говорит о том, что она начинает с ним [с Петром Александровичем] борьбу во имя своих представлений о справедливости, чести, счастье и жизни в целом.

Важно отметить, что в отрицательном персонаже, Петре Александровиче, исследователь видит дальнейшую эволюцию Ф. М. Достоевского в формировании взглядов на преступление «как нечто безотносительное, прирожденное, зависящее от индетерминированной воли, а не от среды»³. Эта мысль, которая берет начало в «Неточке Незвановой», будет важна для понимания более поздних произведений писателя.

Г. М. Фридлиндер в работе «Реализм Достоевского» (1964) останавливает свое внимание на проблеме субъектной организации «Неточки Незвановой».

---

¹ Кирпотин В. Я. Молодой Достоевский. С. 286.

² Там же.

³ Там же. С. 288.

Идя следом за В. Я. Кирпотиним, Фридлиндер говорит о том, что Девушкин и Голядкин – это «герои-мечтатели», которые подготовили более значительные образы Достоевского в произведениях 1848-1949 годов «Белые ночи» и «Неточка Незванова». Исследователь также указывает на то, что «героиня по духовному развитию, по уровню своих интересов и стремлений неизмеримо превосходит не только Девушкина, но и Вареньку. При всем своем своеобразии они [мечтатель из «Белых ночей» и Неточка Незванова из одноименного романа – Н. К.] ближе к таким "большим", интеллектуальным героям предшествующего русского романа, как Онегин, Печорин, Татьяна...»¹. Сравнивая «Неточку» с более ранними произведениями Достоевского («Бедные люди», «Двойник», «Белые ночи»), Г. М. Фридлиндер подчеркивает принципиальное различие между ними: теперь в центре оказываются не «забытые люди», а «активно мыслящий и чувствующий герой», который способен к рефлексии собственных действий и поступков, стремится понять свое место в окружающей его действительности. Таким образом, если психологизм как стилевая доминанта Достоевского определился уже до «Белых ночей» и «Неточки Незвановой», то их написание, по мнению исследователя, обусловило следующий шаг писателя, а именно – формирование романной жанровой формы, которая, в силу известных нам обстоятельств в жизни Достоевского, получит свое полноценное развитие уже в 1860-1870 годах.

Следовательно, определяя жанровую разновидность «Неточки Незвановой», Фридлиндер отмечает, что это роман, написанный в форме записок главной героини, в которых градационно изображается ее духовный рост и формируется сложный и противоречивый характер «мечтательницы», рано познавшей голод, бедность, потерю близких.

Полемизируя с К. В. Мочульским, который утверждал, что три части «Неточки Незвановой» не соотносятся между собой, Фридлиндер пишет, что каждая часть романа – звено общего композиционного построения, но в то же время образует «своего рода новеллу с особым сюжетом, особой завязкой, кульминацией и развязкой»², внутренне законченное целое. Исследователь также ука-

¹ Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 84.

² Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. С. 87.

зывает на то, что каждая из частей романа происходит в разных местах (первая часть – чердак; вторая – дом князя Х-ого; третья – дом дочери княгини от первого брака) и для каждой характерно наличие определенных персонажей, которые далее либо не фигурируют, либо являются второстепенными (первая часть – музыкант Ефимов и мать Неточки; вторая – княжна Катя; третья – Александра Михайловна и Петр Александрович). Г. М. Фридлиндер подчеркивает, что именно третья часть в большей степени раскрывает характер главной героини романа. В момент разоблачения Петра Александровича она «из полуробенка становится взрослой и смело совершает свой первый сознательный и активный поступок, бросая вызов мужу Александры Михайловны»¹. По замыслу Ф. М. Достоевского Неточка, покинув дом воспитателей, должна была начать самостоятельную жизнь и, по мнению Г. М. Фридлиндера, возможно, стать певицей.

Г. М. Фридлиндер проявляя интерес к образу музыканта Ефимова, отчима Неточки, относит его к выдающимся достижениям раннего Достоевского. По мнению исследователя, писатель обращается к одной из устойчивых тем романтической литературы 30-х годов – к теме непризнанного обществом художника (об этом говорил и К. В. Мочульский). Ефимов – это не просто благородная и мечтательная натура, а характерная фигура русской жизни – человек из народа, с легкомыслием относившийся к труду и в полной мере не воспользовавшийся музыкальными способностями, которому пришлось до конца своих дней прозябать в бездействии и нищете. По словам Г. М. Фридлиндера, трагизм в изображении Ефимова является «не символом некоей вневременной, извечной трагедии художника, но отражением конкретных бытовых и социальных обстоятельств жизни народа»².

Г. М. Фридлиндер указывает на взаимосвязь реализма Достоевского с русским и западноевропейским романтизмом, традиции которого писатель пытается переосмыслить в реалистическом духе. В творчестве писателей-романтиков Достоевского привлекает драматизм и изображение упорной духовной борьбы. Образ музыканта Ефимова, по мнению исследователя, в полной мере отражает

¹ Там же. С. 88.

² Там же. С. 89.

особенности психологического метода молодого Достоевского: именно в этом образе противоречиво сочетаются талант и «незнание азбуки искусства», гордость и стыд, соблюдение нравственных законов и распущенность, любовь и непринятие близких людей, в итоге приводящие к гибели. Исследователь, сравнивая Ефимова с Чертковым из повести Н. В. Гоголя «Портрет» (1842 г.; 2 ред.), отмечает в нем [Ефимове] «не прекращающуюся нравственную пытку»: постоянная неуверенность не только в своем таланте, но и в самом себе, к тому же его не покидает чувство нравственной вины перед собой и близкими. «Из этой раздвоенности, – пишет Г. М. Фридлендер, – проистекает "фантастичность" образа Ефимова, но вместе с тем и его внутренняя психологическая объемность»¹.

По мнению Г. М. Фридлендера, Ф. М. Достоевский «вскрывает противоречивость, психологическую причудливость, эксцентричность и "ненормальность" внутреннего мира современной ему мыслящей личности»². Г. М. Фридлендер отмечает, что Достоевским изображаются болезненные метаморфозы в душе главной героини, вызванные окружающей ее действительностью, и, таким образом, «любовь к отчиму перерастает у Неточки в болезненную ненависть к матери, с мыслью о смерти которой Неточка, под влиянием отчима, связывает мечту о начале другой, лучшей жизни для них обоих»³. Проявление психологического метода Достоевского Г. М. Фридлендер видит во второй части романа, а именно в истории Неточки и Кати, отношения между которыми перерастают в невероятную душевную драму, вбирающей в себя целую палитру чувств: любовь, ревность, гордость, зависть и многое другое. По замечанию исследователя, страницы романа, содержащие взаимодействие сложных психологических мотивов, представляют собой картину «диалектики души» героинь, предвзяря «Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого.

Говоря о развязке романа, Г. М. Фридлендер отмечает, что в развернувшейся семейной драме каждый из участников имеет индивидуальный характер:

---

¹ Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. С. 90.

² Там же.

³ Там же. С. 91.

Петр Александрович – тиран и лицемер; Александра Михайловна – женщина, осужденная мужем и обществом, но знающая о своей невинности; третий участник – «молодой мечтательный разночинец со "слабым сердцем"»¹, образ которого мы находим в письме, найденном Неточкой. Главная героиня, прежде находящаяся в роли пассивного наблюдателя, теперь становится активным участником разразившейся семейной драмы между Петром Александровичем и Александрой Михайловной. Она сознательно, предельно откровенно, а главное открыто выражает свою точку зрения, заявляя о сочувствии в данной ситуации Александре Михайловне и ненависти к ее мужу. Этот резкий переход в сознании Неточки, по мнению исследователя, обусловлен взлетом революционных настроений самого Достоевского-петрашевца в период 1848-1849 годов.

Свою точку зрения на роман «Неточка Незванова» высказывает в работе «Ранний Достоевский (1821-1849)» (1979) В. С. Нечаева, последовательно рассматривая образы Ефимова, Кати и князя Х-ого. В частности, в Ефимове она видит отражение автобиографических впечатлений, «пережитых сердцем» Достоевским в момент написания произведения. В работе «Достоевский: Жизнь и творчество» на данный аспект указывал и К. В. Мочульский. Характеристика Ефимова резко отличается от характеров персонажей ранних повестей писателя. Соглашаясь с предшественниками, В. С. Нечаева утверждает: «Это не петербургский чиновник, как Макар Девушкин, Голядкин и другие, не полусказочный образ, как Мурин из "Хозяйки", это очень сложный, но вполне реальный, глубоко жизненный характер, результат особых природных данных, развивающихся в определенных социальных условиях»².

Важную роль в изображении Ефимова играет анализ его «изломанного» характера, который пребывает в постоянных разногласиях с окружающей его действительностью, основание этому – его низкое социальное положение. Исследовательница, полемизируя в данном вопросе с В. Я. Кирпотиным, считает, что Достоевский не задается целью проследить в судьбе Ефимова воздействие

---

¹ Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. С. 92.

² Нечаева В. С. Ранний Достоевский (1821-1849). М. : Наука, 1979. С. 174.

социального положения и объяснить им его гибель, напротив, писатель стремится показать возможности развития таланта музыканта, так как он был свободным человеком, а не крепостным. К сожалению, возможности оказались упущены, несмотря на то, что окружающие помогали Ефимову. Нечаева указывает на важность образов помещика, в оркестре которого играл Ефимов, и скрипача Б., оказывающих влияние на становление личности Ефимова. «Достоевский упорно подчеркивал, – замечает Нечаева, – грубость, несправедливость, "заносчивость", доходящие до лжи и клеветы, в поведении Ефимова в ответ на заботы о нем»¹. Появляется новое в трактовке образа отчима Неточки: обман – результат скрытой боли, переполняющей душу Ефимова, зависть по отношению к скрипачу Б.

В. С. Нечаева, опираясь на мнение предшественников, говорит о том, что нравственное падение Ефимова оборачивается катастрофой художника, драмой артиста, осознавшего потерю таланта, в которой виноваты не другие люди, а он сам. В изображении страданий и гибели отчима Неточки исследовательница усматривает традиции Н. В. Гоголя (повесть «Портрет»), но выявляет существенное различие между героями обоих произведений: «То, что пережил после прозрения Чартков, – ярую зависть к таланту и месть, Ефимов переживал ранее, до катастрофы. В анализе поведения Ефимова Достоевский вскрывал зарождение, нарастание переживаний, готовящих кризис. Злоба и мстительность Ефимова выявлялись не в реальном уничтожении творческих талантов, как у Чарткова, а в острых едких сплетнях, переходящих в клевету, о тех, кого ценили как известных талантливых музыкантов»².

В. С. Нечаева на протяжении всей работы делает акцент на автобиографичности «Неточки Незвановой». Это касается, по ее мнению, включенных в тематический центр трех женских образов, таковыми являются Неточка, Катя и Александра Михайловна. В. С. Нечаева утверждает, что в рассказ о раннем детстве Неточки, в последней главе о болезни Александры Михайловны вошли воспоминания самого Достоевского: болезнь матери, ее страда-

¹ Нечаева В. С. Ранний Достоевский (1821-1849). С. 176.

² Нечаева В. С. Ранний Достоевский (1821-1849). С. 179-180.

ния от тяжелого характера мужа и, в конце концов, ее смерть. Завершая свои рассуждения, В. С. Нечаева делает вывод о том, что Достоевским накоплен достаточно большой опыт пережитых им лично сильных впечатлений, послужившие в дальнейшем основой его первого романа «Неточка Незванова».

В современном литературоведении продолжается активное изучение творчества Ф. М. Достоевского, в частности, незавершенного произведения «Неточка Незванова». Г. К. Щенников, определяя жанровую природу «Неточки Незвановой» как повесть, говорит об опоре писателя на традиции романтизма (на это указывали К. В. Мочульский, Г. М. Фридлендер) и относит ее к теме «освобождения маленького человека от дурмана мечтательства, искажающего его сознание»¹. Петра Александровича, деспота, и Александру Михайловну, страдающую от чувства вины перед мужем, Щенников характеризует как героев-романтиков. Если В. Я. Кирпотин в работе «Молодой Достоевский» полагал, что роль человека в жизни зависит исключительно от окружающих его условий, то Г. К. Щенников, наоборот, делает акцент на том, что в первых произведениях писателя выдвигается идея независимости от среды и окружения, то есть «идея суверенности личности», а также утверждается преимущество духовного начала как основы его нравственного роста. По мнению исследователя, «обращением к традициям романтической эстетики обусловлено и понимание писателем типического, включающего в себя категорию исключительного и необычного»². Щенников, как и исследователи советского периода, отмечает влияние музыканта Ефимова на характер и образ мысли Неточки, мечтающей о лучшей жизни, которая, как ей кажется, наступит после смерти матери. Но по прошествии времени она осознает греховность собственных намерений. Перволичное повествование, как главный использованный Достоевским психологический прием раскрытия внутреннего мира героини, по мнению Щенникова, подкрепляют пронзительные раз-

---

¹ Щенников Г. К. Творчество Ф. М. Достоевского (1821-1881) // Щенников Г. К., Щенникова Л. П. История русской литературы XIX века (70-90-е годы) : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2005. С. 82.

² Щенников Г. К. Творчество Ф. М. Достоевского (1821-1881). С. 83.

мышления героини, понимающей, с одной стороны, пагубность тиранства, а с другой – романтического самоедства.

М. В. Загидуллина, опираясь на суждение Г. М. Фридендера, утверждает, что «Неточка Незванова» – роман, состоящий из трех самостоятельных новелл, первая из которых «Детство», включающая в себя историю Неточки и ее отчима, наиболее закончена, на первый план здесь вынесена тема «гибнущего таланта» музыканта Ефимова. В связи с этим Загидуллина приводит две точки зрения, существующие в литературоведении: согласно первой, Достоевский показал драму таланта в несправедливом обществе (В. Я. Кирпотин, Г. М. Фридендер, Л. М. Розенблюм); согласно другой точке зрения, писатель акцентирует в образе Ефимова автобиографический момент, отражая в нем собственные переживания о судьбе своего таланта и его возможном угасании (К. В. Мочульский, В. С. Нечаева, В. Террас). М. В. Загидуллина отдает предпочтение второй точке зрения, отмечая, что Ефимов гибнет не в силу причин социального порядка (у него есть покровители). Безжалостно, по мнению исследовательницы, подчеркнуты внутренние противоречия скрипача Ефимова: «болезненное самолюбие, раздутая гордость, тщательное утаивание от себя самого правды о посредственности своего дарования, поиск "виноватых", тирания близких, грязное и низкое поведение с "благодетелями" и внутреннее переживание этого поведения»¹. Однако, соглашаясь с мнением советских литературоведов в том, что Достоевский при обрисовке Ефимова использовал собственный опыт, Загидуллина все же отмечает, что степень автобиографизма невелика. Образ музыканта Ефимова не столько соотносится со взглядами Достоевского на собственное творчество, сколько оказывается вариантом решения темы художника в обществе: «общество в данном случае выступает не как антагонист художника, не способный понять глубину и размах его таланта, а как необходимая для художника

---

¹ Загидуллина М. В. Неточка Незванова // Достоевский : Сочинения, письма, документы : Словарь-справочник. СПб. : Пушкинский дом, 2008. С. 129.

аудитория и в каком-то смысле оправдание его жизни, то есть общество трансформируется в "публику"»¹.

Солидаризируясь с Г. К. Щенниковым, указавшим на романтические традиции в «Неточке Незвановой», М. В. Загидуллина пишет об усилении романтического начала в первой части произведения благодаря появлению «демонического» мотива, связанного с образом погибшего итальянца-капельдинера. Однако в дальнейшем этот мотив снимается: оказывается очевидным, что связь с нечистой силой – одна из отговорок Ефимова, оправдывающего таким образом свои поступки. Загидуллина отмечает также связь образа талантливого итальянца-скрипача с образом импровизатора из «Египетских ночей» А. С. Пушкина и косвенно сближает Ефимова с Чарским. Размышления о «моцартовском» и «сальерианском» типах искусства отражаются и в противопоставлении С–ца и Ефимова.

Касаясь образа бедного сироты Лареньки, который по замыслу писателя должен был оказаться равным главной героине во второй части романа (но в конечном итоге не вошедшего в него), М. В. Загидуллина полемизирует с В. Я. Кирпотиным, полагавшим, что Неточка должна была вступить с ним в конфликт и перевоспитать домашнего деспота. По мнению исследовательницы: «Ларя и Неточка скорее синонимичны, нежели контрастны, рассказ Лареньки

о том, как он мучил свою мать, больно напоминает Неточке о ее собственном несправедливом отношении к матушке»². Однако Загидуллина согласна с мнением В. Я. Кирпотина о том, что образ Неточки продолжает тип мечтателя, разрабатываемый Ф. М. Достоевским в 1840-е годы.

Третья часть романа («Тайна»), по мнению М. В. Загидуллиной, ставит героиню в оппозицию с другим женским характером – Александрой Михайловной. Происходит трансформация характера Неточки, которая в истории с Катей была «квази-женским» партнером, тогда как Катя вела себя по схеме «рыцарского кодекса». Исследовательница ставит под сомнение высказывание К. В. Мочульско-

¹ Загидуллина М. В. Неточка Незванова. С. 129.

² Загидуллина М. В. Неточка Незванова. С. 130.

го об «удвоении одной и той же душевной тональности» – «кротости» и больше склоняется к мнению В. Я. Кирпотина, что Неточка не была «слабым сердцем». Рядом с «кроткой» Александрой Михайловной Неточка превращается в страстную и решительную девушку, умеющую защитить другого человека. Вместе с тем очевидна, по мнению Загидуллиной, «феминистическая» направленность произведения. Главная героиня произведения оказывается, по утверждению исследовательницы, носителем «комплекса Электры» (юнгианский аналог «комплекса Эдипа»): Неточка испытывает к отчиму страстную любовь, доводящую ее до отчаяния, и столь же страстно ненавидит и боится мать, испытывая к ней жалость. Касаясь образа Петра Александровича, Загидуллина пишет, что с ним связан один из сквозных психологических мотивов в творчестве Достоевского: самоутверждение за счет унижения равного или лучшего (в дальнейшем этот мотив раскроется в образе Петра Петровича Лужина в «Преступлении и наказании»).

М. В. Загидуллина, как и ее предшественники, обращает внимание на использование Достоевским приема перволичного повествования, позволяющего раскрыть внутренне содержание образа главной героини. Вместе с тем, прервав работу над «Неточкой Незвановой», в своем последующем творчестве писатель отказывается от исповедальной формы, находя ее недостаточно «целомудренной». М. В. Загидуллина отмечает особенности стиля Ф. М. Достоевского, проявившиеся в «Неточке Незвановой»: «смещение планов, соединение нескольких повествовательных зон, размытость их границ, а также "литературность" мышления рассказчика, ощущающего себя профессиональным "автором" своей истории. Эти находки будут развиваться в более поздних романах»¹.

С. А. Косяков, сравнивая в своей статье «Неточку Незванову» с романом «Подросток» (1875), обращает внимание на генезис героя-мечтателя и специфику формирования этого характера под воздействием отца. «В "Неточке Незвановой", как и в "Подростке", – отмечает исследователь, – характер мечтателя изображен не в "готовом" виде, как это было в других текстах, а в его

---

¹ Загидуллина М. В. Неточка Незванова. С. 131.

развитии на протяжении длительного жизненного отрезка»¹. Если в ранних произведениях («Белые ночи», «Хозяйка») перед читателя единственный настоящий герой, то уже в «Неточке Незвановой» и, позднее, в «Подростке» герой уже не один, он показан во взаимоотношениях с близкими людьми. Цель, которую ставит перед собой сам исследователь, – проследить включенность подростков-мечтателей в семейные отношения. С. А. Косяков пишет, что семьи главных героев рассматриваемых произведений, Неточки Незвановой и Аркадия Долгорукого, формируются при необычном перемещении обстоятельств, в частности в «Неточке» функцию отца-воспитателя выполняет Ефимов, являющийся отчимом, а о настоящем ее отце ничего не известно. «"Двойное отцовство", – отмечает исследователь, – оборачивается тем, что ни один из отцов не является им вполне»². В том и другом случае [имеется в виду в обоих произведениях – Н. К.] в семейных отношениях Неточки Незвановой и Аркадия Долгорукого начало отцовства находится в состоянии неустойчивости, что впоследствии отражается в характере самих героев, а именно в развитии мечтательности под воздействием ощущения ненужности, «оставленности». Так, например, в фантазиях Неточки образ музыканта Ефимова связывается с мечтой о лучшей жизни, которая с течением времени рушится после его трагической гибели.

Н. Ю. Зимина, рассматривая «Неточку Незванову» как «апофеоз романтического, идеализированного осмысления феномена платонической любви и женской неверности»³, останавливает свое внимание на образе Александры Михайловны, являющимся в неоконченном романе Ф. М. Достоевского воплощением типа падшей женщины, которая «утратила репутацию порядочной вследствие порочного поведения»⁴. Н. Ю. Зимина в данном вопросе ссылается на работу

---

¹ Косяков С. А. «Неточка Незванова» и «Подросток»: о генезисе мечтателя в творчестве Достоевского [Электронный ресурс] // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/netochka-nezvanova-i-podrostok-o-genezise-mechtatelja-v-tvorchestve-dostoevskogo> (дата обращения: 20.05.2017).

² Там же.

³ Зимина Н. Ю. Образ падшей женщины в незаконченном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» [Электронный ресурс] // URL: <https://moluch.ru/archive/59/8396/> (дата обращения: 19.05.2017).

⁴ См. об этом: Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Словарь устаревших слов русского языка (по произведениям русских писателей XVIII-XX вв.). М.: Дрофа, 2005. С. 486.

Н. Н. Мельниковой, выделявшей четыре типа таких женщин: первый – «соблазненные» девушки, вступившие в сексуальный контакт с мужчиной до брака (Варенька Доброселова - «Бедные люди», Катерина - «Хозяйка», Лиза Долгорукая - «Подросток», Лизавета Смердящая - «Братья Карамазовы»); второй – «содержанки», получающие материальное обеспечение от любовника / сожителя (Настасья Филипповна - «Идиот» и Грушенька - «Братья Карамазовы»); третий – «любовницы», состоящие во внебрачных отношениях с мужчиной, будучи замужем (Софья Андреевна Долгорукая - «Подросток»); четвертый – «проститутки», получающие денежное или иное вознаграждение за сексуальные услуги от многих партнеров без учета критерия избирательности (Лиза - «Записки из подполья» и Сонечка Мармеладова - «Преступление и наказание»)¹. Однако есть героини, образы которых не укладываются в рамки данной классификации. Таковыми являются Наташа Ихменева и дочь старика Смита, мать Нелли («Униженные и оскорбленные»), а также Александра Михайловна из романа «Неточка Незванова». Тема женского бесчестья звучит в «Неточке Незвановой» не так явно (физической измены не было). Но именно это произведение, по мнению М. Ю. Зиминной, является важным этапом эволюции образа падшей женщины в творчестве Ф. М. Достоевского.

Ставя вопрос: кто же в неоконченном романе М. Ф. Достоевского «Неточка Незванова» является грешником, а кто праведником, – Н. Ю. Зимина приходит к выводу: «Этические оценки в третьей части романа однозначны. Роли мучителя и жертвы жестко закреплены за персонажами. В образе Александры Михайловны много книжного, идеального. Героиня так чиста, так целомудренна, что не вполне ясно, нуждается ли она в оправдании»². В тексте романа ее сердце прямо названо «праведным», а в поведении Петра Александровича есть признаки противоестественного, демонического (исследовательница в этот ряд включает и сексуальное влечение мужа Александры Михайловны к Неточке). Не столько забота о приличиях, сколько ревность по отношению к главной героине доводит

¹ См. об этом: Мельникова Н. Н. Феномен «падшей женщины» как проблема сравнительного литературоведения (к постановке вопроса) // Литературная учеба. М., 2010. № 6. С. 114–123.

² Зимина Н. Ю. Образ падшей женщины в незаконченном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова».

Петра Александровича до состояния гнева и готовности выгнать ее из дома. Поскольку он полагает, что письмо в руках Неточки – это письмо от ее любовника. Н. Ю. Зимина отмечает: «Упрек Неточке является одновременно и упреком его супруге, как верно понимает сама девушка. Спор о проступке и судьбе Неточки превращается в спор о "грехе" и судьбе Александры Михайловны и вообще падшей женщины»¹. В итоге становится очевидным, кто в романе занимает позицию деспота (Петр Александрович), а кто играет роль жертвы (Александра Михайловна).

Т. С. Соколова анализирует в своей статье семантику и специфику функционирования понятия «странное семейство» в художественном языке Ф. М. Достоевского, в частности в «Неточке Незвановой», относя это произведение к жанру повести. Соколова отмечает особую значимость в творчестве писателя темы детства и семьи в целом. «Человеческая личность в произведениях Достоевского, – пишет исследовательница, – раскрывается в значительной степени через систему внутрисемейных этико-коммуникативных связей»². Т. С. Соколова полагает, что именно «Неточка Незванова» является первым произведением Достоевского, в котором семейная среда остается в центре внимания писателя на протяжении всего повествования (главная героиня живет в трех разных семьях – в своей семье с матерью и отчимом, в семье князя Х, в семье Александры Михайловны и Петра Александровича).

Задача, которую ставит перед собой Т. С. Соколова, – выявить характерные особенности и типологические разновидности «странного семейства» в «Неточке Незвановой». Во-первых, «странным» названо семейство, члены которого отличаются от других людей (у родителей Неточки необычные характеры, оба они мечтатели, трагично заканчивающие свою жизнь; ее приемные родители – князь Х. (изгой в собственной семье) и Александра Михайловна (затворница в своем доме) – тоже люди несчастной судьбы, отвергнутые обще-

---

¹ Там же.

² Соколова Т. С. Типология «странного семейства» в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» [Электронный ресурс] // URL: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-strannogo-semeystva-v-povesti-f-m-dostoevskogo-netochka-nezvanova> (дата обращения: 20.05.2017).

ством). Во-вторых, во всех трех семьях, показанных Достоевским в «Неточке Незвановой», между родственниками нарушены естественные межличностные связи (между матерью и отчимом Неточки установилась «глухая, вечная вражда», выражающаяся то в ссорах, то в молчании; в доме князя Х. Неточка видит странные взаимоотношения между членами семьи, строго регламентированные этикетом, родственники подолгу не видятся и живут обособленно друг от друга; в отношениях Александры Михайловны с ее мужем существует недосказанность, за притворным состраданием скрывается нравственная тирания, за робостью – постоянный страх унижения). В-третьих, в «странном семействе» искажена система ценностей (отчим при общении с Неточкой не учитывает воздействия своей «волшебной сказки» на воображение и внутреннее развитие ребенка, а также заставляет воровать деньги у матери, а затем упрекает ее в безнравственном поступке; в доме князя Х. во главу ставится соблюдение внешних приличий, проявление живых человеческих чувств считается нарушением сложившегося уклада; в доме Александры Михайловны извращены понятия порока и добродетели)¹. В ходе своих размышлений Т. С. Соколова приходит к выводу, что перед нами разворачиваются три формы распада семьи, каждая из которых губительнее предыдущей.

Т. С. Соколова отмечает, что следствием жизни Неточки в «странном семействе», связанной с сильными душевными потрясениями, является болезненно быстрое взросление ребенка, который оказывается лишенным детства: «В родительском доме у Неточки развивается недетская, "исключительная", "безграничная" любовь к отчиму, а к матери – страх и враждебность. В доме князя Х. возникают мучительно острые, полные драматизма отношения любви-ненависти между Неточкой и княжной Катей»². Ребенок, живущий в таких обстоятельствах, оказывается оторванным от реальности и развивается в своем выдуманном мире.

Таким образом, рассмотрев работы литературоведов, как советского периода (К. В. Мочульский, В. Я. Кирпотин, Г. М. Фридендер, В. С. Нечаева), так и со-

¹ См. об этом: *Соколова Т. С.* Типология «странного семейства» в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова».

² Там же.

временного (Г. К. Щенников, М. В. Загидуллина, С. А. Косяков, Г. Ю. Зими́на, Т. С. Соколова), мы пришли к выводу, что незавершенное произведение Достоевского «Неточка Незванова» изучено недостаточно.

Так, спорным остается вопрос о жанровой специфике «Неточки Незвановой». В литературоведении на сегодняшний день нет единого мнения о том, считать ли данное произведение романом (как полагают В. Я. Кирпотин, Г. М. Фридли́ндер, В. С. Нечаева, М. В. Загидуллина, Н. Ю. Зими́на) или же относить его к жанру повести (как считают К. В. Мочульский, Г. К. Щенников, Т. С. Соколова).

Нельзя признать исчерпывающим изучение системы персонажей романа. Акцентируя внимание на образах музыканта Ефимова и Александры Михайловны, исследователи уделили явно недостаточное внимание центральному персонажу – Неточке, героине, от лица которой ведется повествование. Также недостаточно, с нашей точки зрения, рассмотрен и психологически сложный образ княжны Кати, о которой упоминается, как правило, лишь вскользь, что не позволяет в полной мере понять характер главной героини, раскрывающийся в отношениях с этим персонажем. Исследователи не уделили должного внимания и образу матери Неточки, ее значимости в жизни ребенка. В то время как отмечено влияние других персонажей (князь Х., княжна Катя, Петр Александрович, Александра Михайловна, неизвестный автор любовного письма) на формирование характера и дальнейшую судьбу героини.

Вопрос психологизма, более всего нас интересующий, не обойден вниманием литературоведов, и касается он, прежде всего, образа главной героини, от лица которой ведется повествование. Ф. М. Достоевский в «Неточке Незвановой» обращается к прямому типу психологизма, избирая для своего романа форму записок героини как главного приема раскрытия ее внутреннего мира. Форма *перволичного повествования* предполагает, во-первых, эмоциональное воздействие на читателя и художественную убедительность, а, во-вторых, форма психологического самораскрытия способна придать повествованию исключительный драматизм и напряженность. Непосредственное воспроизведение внутрен-

ней речи героя или образов, возникающих в его воображении, сознании, памяти (например, отношения Неточки и Кати, содержащие взаимодействие сложных психологических мотивов), представляет собой, по мнению Г. М. Фридлендера, картину «диалектики души», являющуюся одним из приемов, использованных Ф. М. Достоевским. Данные через призму сознания главной героини *портреты персонажей, их действия и поступки* (Н. Ю. Зимина), а также *описание интерьера, обстановки*, в которой они действуют, косвенно направлены на раскрытие их внутреннего мира (Т. С. Соколова). Ф. М. Достоевский, по наблюдениям К. В. Мочульского, обращается к *приему длительной психологической подготовки* и неожиданной развязки во всех трех частях «Неточки Незвановой», который дает особый эффект в понимании характера героя. Существенную роль также играют *детали* (скрипка, попавшая в руки Ефимова после смерти скрипача Б. и превратившая его в талантливое музыканта; письмо, найденное Неточкой в домашней библиотеке княгини), перевернувшие не только привычный уклад жизни героев, но и их мировоззрение в целом (К. В. Мочульский, М. В. Загидулина, Н. Ю. Зимина, Т. С. Соколова).

Но отмеченные исследователями особенности психологического анализа, очевидно, не являются исчерпывающими и требуют дальнейшего изучения. Все это обуславливает **актуальность** данной работы. Незавершенный роман «Неточка Незванова» заслуживает внимания потому, что именно в процессе работы Достоевского над произведением происходило совершенствование его психологизма, разрабатывались принципы и приемы изображения сложного и противоречивого характера героя, которые получают свое дальнейшее развитие в последующем творчестве писателя.

Объектом нашего исследования является незавершенный роман Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова».

Предмет – проблема психологизма «Неточки Незвановой»: принципы и приемы изображения внутренней жизни главной героини.

Цель – выявить принципы и приемы психологического анализа Ф. М. Достоевского в «Неточке Незвановой», направленного на раскрытие образа главной

героини в его динамике. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- освоить критическую и научную литературу, посвященную раннему творчеству Ф. М. Достоевского;
- на основе этого изучения составить представление о том, как осмыслиется в литературоведении формирование психологизма Достоевского в его обусловленности динамикой художественного метода;
- сделать вывод о том, какой художественный опыт в изображении внутреннего мира человека был накоплен писателем к началу работы над «Неточкой Незвановой»;
- изучить отклики современников, критические статьи, посвященные незавершенному роману Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова»;
- обобщить основные теоретические аспекты проблемы психологизма, и, опираясь на труды исследователей, выявить принципы и приемы психологического анализа в литературе;
- проанализировать становление характера главной героини романа в соответствии с принципами и приемами психологического изображения.

Научная новизна нашего исследования состоит в детальном изучении процесса становления характера главной героини, являющегося сюжетообразующим в «Неточке Незвановой».

Предмет, цель и задачи определили методы научного исследования: мы опираемся на историко-генетический, сравнительно-исторический и системно-структурный методы анализа.

Методологическую базу нашей работы составляют фундаментальные исследования, посвященные творчеству Ф. М. Достоевского и «Неточке Незвановой» в частности, – К. В. Мочульского, В. Я. Кирпотина, Г. М. Фридлендера, В. С. Нечаевой, Г. К. Щенникова и др., а также труды по теории художественного психологизма – Л. Я. Гинзбург, А. Б. Есина, А. И. Иезуитова, О. Ф. Потемкиной, И. В. Страхова и др.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут использоваться в школьном преподавании в классах с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла.

Глава 1. Раннее творчество Ф. М. Достоевского

1.1. Первые литературные опыты

Рассмотрение романа «Неточка Незванова», который станет предметом наших дальнейших размышлений, невозможно вне контекста раннего творчества Ф. М. Достоевского. Несомненно, что зрелое творчество писателя было подготовлено его творческими исканиями и ранними литературными опытами.

Исследователи не раз отмечали значимость для раннего Достоевского его знакомства с западноевропейской литературой¹. Сознание молодого Достоевского формировалось под влиянием таких великих писателей, как Гомер, Шекспир, Гете, Шиллер, Корнель и Расин, Гюго и Бальзак. По мнению литературоведов, раннее творчество Достоевского проходит под знаком двух европейских писателей: Гофмана и Диккенса². Гофман был одним из первых страстных увлечений молодого Достоевского, немецкий писатель-романтик был близок ему своим ин-

---

¹ См. об этом, напр.: *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский (1821-1849). С. 54-55.

² См. об этом: *Фридендер Г. М.* Реализм Достоевского. С. 69-70, 81, 182.

тересом ко всему непостижимому в области душевной жизни: навязчивым идеям, кошмарам, видениям, двойничеству, граничащей с безумием гениальности и т.д. Влияние Гофмана явственно ощущается во всех ранних повестях Достоевского, где присутствует фантастический элемент: в «Двойнике», «Хозяйке» и отчасти «Неточке Незвановой». С Диккенсом Достоевского связывала социальная тема «бедных людей» – жертв огромного города, затерявшихся в нем и страдающих от бедности, беспомощности и всеобщего равнодушия. Данная тема была одной из ведущих в творчестве Диккенса¹ и стала важнейшей в творчестве молодого Достоевского.

Первыми пробами пера Достоевского стали драматические опыты «Мария Стюарт» и «Борис Годунов», над которыми он работал ещё во время учёбы в Главном инженерном училище в Санкт-Петербурге. Уже в 1841 году эти творческие опыты начинающего писателя получили огласку в кругу близких друзей. В январе 1844 года Достоевский писал брату, что закончил драму «Жид Янкель»². По мнению В. Я. Кирпотина, «молодой Достоевский пытается написать в подражание Шиллеру трагедию "Марию Стюарт" и в подражание Пушкину – трагедию "Борис Годунов"»³. К сожалению, ни рукописей, ни других сведений об указанных юношеских произведениях не сохранилось.

Тем не менее, исследователи считают начальную работу в драматическом роде важной для последующего творчества Достоевского. Об этом, например, пишет М. П. Алексеев в своей статье «О драматических опытах Достоевского» (1931)⁴. По мнению В. С. Нечаевой, М. П. Алексеев увидел «в выборе жанра драмы отклик молодого писателя на романтическое направление, так как "лирика и драма – преобладающие формы романтизма", а в его интересе не к

---

¹ См.: «Очерки Боза», 1836; «Оливер Твист», 1837-1839; «Николас Никльби», 1838-1839; «Лавка древностей», 1840-1841; «Тяжелые времена», 1854; «Холодный дом», 1852-1853.

² *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому. Вторая половина января 1844 г. // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. СПб. : Наука, 1996. Т. 15. Письма 1834—1881. С. 37.

³ *Кирпотин В. Я.* Молодой Достоевский. С. 72.

⁴ См.: *Алексеев М. П.* О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского : 1821-1881-1921 : сб. ст. и материалов / под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса : Всеукр. гос. изд-во, 1921. С. 41-62.

сложности действия, а к "характеру" героев – "чисто идейное увлечение в работе над собственной личностью, собственным мирозерцанием"»¹.

О том, что «первая формация творчества Достоевского – это романтические драмы, в которых политические и моральные идеи воплощены в знаменитых образах, поставленных эпохой в условиях необычайного конфликта», писал и Л. П. Гроссман². В «Марии Стюарт» Гроссман видит беспощадную борьбу двух сильных женщин, соперничество их и взаимную ненависть, а в «Борисе Годунове» – тему будущего Достоевского – «право сильной личности переступить через кровь во имя всеобщего блага, возможность строить счастье масс на страдании замученного ребёнка, цена власти, захваченной самозванцем»³. Отметим, что Л. П. Гроссман и М. П. Алексеев связывали драматические опыты Достоевского с более поздними романами.

Сам Достоевский, только вступая на литературное поприще, так говорит о значимости своей «учебы» у великих писателей, формулируя задачу собственного творчества: «... учиться, что значит человек и жизнь... учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно... Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели её будешь разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»⁴. Задача эта постепенно превратилась в главный смысл жизни Достоевского, вместе с ней он жил, создавая новые произведения, наполненные тайнами человеческого поведения и психологии.

Достоевский пробует себя и в переводческой деятельности. В конце 1843 и начале 1844 года Достоевский переводил роман Эжена Сю «Матильда», и, немного позднее, роман Жорж Санд «Последняя из Альдини», одновременно начав работу над собственным романом «Бедные люди». Оба перевода не были завершены. В то же время Достоевский не прекращал работу над рассказами, которые также не были им закончены.

---

¹ См.: *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский (1821-1849). С. 98.

² См. об этом: *Гроссман Л. П.* Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 36.

³ Там же.

⁴ Цит. по: *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский (1821-1849). С. 99.

Особенно значимой для Достоевского была работа по переводу на русский язык романа Оноре де Бальзака «Евгения Гранде» (1834), которым он зачитывался еще будучи в Инженерном училище. Достоевский высоко ценил творчество французского писателя: «Бальзак велик! Его характеры – произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили борением своим такую развязку в душе человека»¹. Именно «Евгения Гранде», психологический роман, раскрывающий духовную жизнь героев, стал для Достоевского школой, с помощью которой он осваивал первые уроки психологического мастерства, необходимые ему для выполнения «величайшей задачи», которую он поставил перед собой в начале своего творческого пути.

В. П. Владимирцев отмечает значимость перевода «Евгении Гранде» для всего последующего творчества Достоевского: «Герой-мономан, трагедия мысли-страсти в тесном соотношении с эпохой, психология власти денег, страдание, мученичество и сострадание, осуждение буржуазности во всех ее видах, исступление и гримасы любви, исключительность сюжетных положений, психологизированный эпитет "бедный", прилагаемый к "униженным и оскорбленным" и проч. получили конгениальный отклик и самобытное развитие в творчестве Достоевского». Далее исследователь замечает: «Не меньшее воздействие на будущее Достоевского-художника оказали разработанные им в процессе перевода индивидуальные народно-разговорные принципы повествовательной стилистики, приемы самоповторений в словах, синонимии, плеоназма, "высокого штиля" "надрывных", плачевых интонаций и т.д.»². Несомненно, переводческая деятельность Достоевского подготовила почву для самостоятельного творчества первого периода писателя, помогла «откристаллизоваться» литературным замыслам его последующих произведений.

1.2. Формирование реализма:

«Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин»

¹ Достоевский. Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому от 9 августа 1838 г. // Достоевский Ф. М. Т. 15. Письма 1834 -1881. С. 12.

² Владимирцев В. П. Евгения Гранде // Достоевский : Сочинения, письма, документы : Словарь-справочник. СПб. : Изд-во Пушкинский дом, 2008. С. 67-68.

Первым самостоятельным произведением Ф. М. Достоевского, над которым шла упорная работа в период с 1844 по 1845 годы, стали «Бедные люди». «Литературная работа, запутанные дела, призрак нищеты, расшатанное здоровье – таково начало писательской карьеры Достоевского», – пишет К. В. Мочульский¹. Достоевский начал творить в достаточно сложной и противоречивой идеологической обстановке 40-х гг. Ещё до появления его первого романа ведущими жанрами «гоголевского направления» – натуральной школы – были рассказ, повесть, физиологический очерк. Необходима была подготовка для создания обобщающих картин социальной жизни, прежде всего жизни Петербурга, и литература 40-х годов должна была в свою очередь изучить разнообразные явления и типы, возникшие на десятки лет ранее, и на базе уже собранного овладеть материалом городской жизни. По мнению Г. М. Фридендера, «Бедные люди» явились одним из первых свидетельств зрелости гоголевского, реалистического направления в литературе 40-х годов².

Д. В. Григорович, приятель Достоевского по Инженерному училищу, посоветовал ему показать свое произведение Н. А. Некрасову, который собирался издавать литературный альманах. Пришедши в восторг от «Бедных людей», Некрасов отнес роман Белинскому, врываясь к нему со словами: «Новый Гоголь родился!». Следует признать, что и Белинский испытал аналогичные чувства после прочтения первого произведения молодого писателя: «"Бедные люди" были первым и... доселе остаются лучшим произведением г. Достоевского. Появление этого романа было шумным событием в нашей литературе...»³.

Ф. М. Достоевский в «Бедных людях» демонстрирует перед читателями целую галерею городских типов, «от нищего до ростовщика и от мелкого чиновника до директора департамента»⁴. При этом Достоевский сумел подчинить изображение отдельных нарисованных им типов единой мысли: человек

---

¹ Мочульский К. В. Достоевский : Жизнь и творчество. С. 230.

² См. об этом: Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. С. 52.

³ Белинский В. Г. Бедные люди. Роман Федора Достоевского // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. С. 363.

⁴ Фридендер Г. М. Указ. соч. С. 53.

должен жить не только для себя, не только ради своих удовольствий, он должен любить и окружающих его людей, приходить на помощь, сочувствовать им, сопереживать. Именно эта мысль красной нитью пронизывает все произведение Достоевского и определяет место, которое занимает в нём каждый отдельный персонаж или события, с ним происходящие, превращая их в элементы постепенно развивающегося действия. Тема, заявленная писателем в произведении, – защита человеческого достоинства «бедных людей», определяет собой сюжетное, композиционное и тематическое единство романа, выбор персонажей, особую «атмосферу» произведения.

Заметна в произведении связь с традициями Гоголя и натуральной школы. Н. А. Добролюбов отмечал: «В "Бедных людях", написанных под свежим влиянием лучших сторон Гоголя и наиболее жизненных идей Белинского, г. Достоевский со всей энергией и свежестью молодого таланта принялся за анализ поразивших его аномалий нашей бедной действительности и в этом анализе умел выразить свой высоко гуманный идеал»¹. Как известно, при обрисовке своих персонажей Гоголь выдвинул на центральное место их социальную характеристику. Главным для развития сюжета являлась не личная, индивидуальная характеристика героя, а прежде всего чин, сословие, которые становятся основными факторами, определяющими положение человека в обществе («Ревизор», «Мёртвые души», «Записки сумасшедшего», «Шинель» и др.)².

В. Г. Белинский, указывая на то, что Достоевский в «Бедных людях» «открывает такие тайны жизни и характеров на Руси, которые до него и не снились никому», в то же время говорил П. В. Анненкову: «Подумайте, это *первая попытка у нас социального романа*, и деланная притом так, как делают обыкновенно художники, то есть не подозревая и сами, что у них выходит»³. В статье «Бедные люди. Роман Федора Достоевского» (1847) Белинский писал: «Роман этот носит на себе все признаки первого, живого, душевного, страстного произведения. Отсюда его многословность и растянутасть... Но все это выкупается

¹ Добролюбов Н. А. Забытые люди // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. : в 9 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1963. Т. 7. С. 382.

² См. об этом: Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. С. 54-60.

³ См. об этом: Анненков П. В. Литературные воспоминания. Л. : Academia, 1928. С. 447.

поразительною истиною в изображении действительности, мастерскою обрисовкою характеров и положений действующих лиц, и – что, по нашему мнению, составляет главную силу таланта г. Достоевского, его оригинальность... В "Бедных людях" много картин, глубоко потрясающих душу»¹. Белинскому была важна в первую очередь социальность, так талантливо выразившаяся в романе молодого писателя, свидетельствующая, по мнению критика, о торжестве гоголевского направления в литературе.

Однако, по мнению В. Н. Майкова, социальная характеристика персонажей – не главное, что хотел дать писатель в «Бедных людях». В статье «Нечто о русской литературе в 1846 году» Майков одним из первых отметил интерес Достоевского к психологическому аспекту изображения, указав на отличие творческой манеры автора «Бедных людей» от Гоголя: «И Гоголь и г. Достоевский изображают действительное общество. Но Гоголь – поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский – по преимуществу психологический. Для одного индивидуум важен как представитель известного общества или известного круга; для другого самое общество интересно по влиянию его на личность индивидуума»².

Действительно, уже в первом произведении Достоевского «Бедные люди» проявляется особенность его дарования – глубина психологического анализа. И вместе с тем, писатель не отказывается от принципов социальной типизации, разработанных Гоголем, которые подчеркивали типичность изображаемого.

Цель, которую ставил перед собой Достоевский, – нарисовать не ряд разрозненных эскизов столичной жизни, но дать целостную, обобщающую драматическую картину жизни Петербурга, рассматриваемой в её социальных противоречиях и антагонизмах. Показать, в отличие от Гоголя, что жизнь общества находится в непрекращающемся движении, что сама личность формируется и впоследствии изменяется под воздействием внешних факторов. Цель эта, как заметил Г. М. Фридендер, в конечном итоге была достигнута: история двух цен-

---

¹ Белинский В. Г. Бедные люди. Роман Ф. М. Достоевского. С. 363-364.

² Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году [Электронный ресурс] // URL: [http:// az.lib.ru/m/majkow_w_n/text_0030.shtml](http://az.lib.ru/m/majkow_w_n/text_0030.shtml) (дата обращения: 16.02. 2016).

тральных героев романа разворачивается в неразрывной связи со многими другими жизнями таких же забытых людей¹.

Такая подача сложного взаимодействия между характерами и обстоятельствами позволила Ф. М. Достоевскому дать разностороннее изображение психологии «маленького» человека. Бедность, с одной стороны, обездоливает Макара и Вареньку, центральных героев романа, но, с другой стороны, она открывает им глаза на окружающий их мир, даёт возможность взглянуть на вещи под другим углом, порождает новые ценности, идеалы, стремления.

Достоевский избирает для своего первого романа форму переписки между Макаром Деушкиным и Варей Доброселовой, подводя их к тому, чтобы они осветили внутреннюю сторону жизни своей самостоятельно. Такая форма выбрана неслучайно: она, во-первых, была подготовлена напряженной перепиской самого Достоевского с братом и отцом; во-вторых, в большей степени соответствовала его идейному замыслу; в-третьих, она давала писателю возможность не только раскрыть внутренний мир персонажей, но и дать подробный анализ их переживаний; наконец, позволила Достоевскому сделать язык героев одним из средств их углубленной социально-психологической характеристики.

Стиль писем героев обусловлен их социальным бытием и духовным развитием. Достоевский стремился показать, как возбуждаются под внешним смирением и спокойствием – гордость, самолюбие, человеческий протест, как продолжает биться, несмотря на все лишения, настоящее человеческое сердце, которое способно испытывать массу различных чувств. «Несмотря на свою слабость и беспомощность, – пишет В. Я. Кирпотин, – он [Макар Деушкин] готов душу отдать за другого страдальца, чтобы защитить его от гонений, чтобы поддержать его в трудную минуту»². Как верно отмечает В. Н. Захаров, «"маленький человек" оказался "большим"». И далее, развивая свою мысль, исследователь продолжает: «Уникальна динамика развертывания духовного величия "маленького человека". В конце концов Макар Деушкин оказался достойным героем эписто-

---

¹ См. об этом: *Фридендер Г. М.* Реализм Достоевского. С. 52-53.

² *Кирпотин В. Я.* Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821-1859). М. : Гослитиздат, 1960. С. 237.

лярного романа, который помимо прочего должен бы быть примером "воспитания чувств". Макар Девушкин был первым откровением "великой идеи" Достоевского – идеи "восстановления человека", духовного воскрешения забитых и бедных людей, униженных и оскорбленных»¹.

Совершенно иной характер – Яков Петрович Голядкин, герой «петербургской поэмы» «Двойник» (1846). «Голядкин в 10 раз выше "Бедных людей"», – писал Достоевский брату Михаилу 1 февраля 1846 года², сразу после того, как повесть была опубликована. Амбиций и самолюбия у нового героя Достоевского не занимать. Его нутро насквозь пропитано злобой и завистью к «удачникам-ловкачам-интриганам»³. Его истинное желание – пробиться в люди, добиться уважение к себе как к личности, к чему не стремился и о чем даже помыслить не мог Макар Девушкин. «Повышенное самолюбие и вместе страх перед действительностью – такова психология г. Голядкина», – отмечает В. В. Ермилов⁴.

Подобно «Бедным людям», «Двойник» во многом связан с художественным миром Гоголя и с поэтикой гоголевских петербургских повестей. По мнению К. В. Мочульского, «Достоевский широко пользуется гоголевским приемом механизации движений. Герой изображается в виде куклы с пружиной внутри. Его жесты и движения порывисты, бестолковы и бессмысленны»⁵.

Если роман «Бедные люди» был встречен положительными отзывами в прижизненной критике, то «Двойник» – полнейшим непониманием. Целый ряд критиков, таких, например, как И. В. Брант, С. П. Шевырев, К. С. Аксаков, Ап. А. Григорьев, сочли повесть неудавшейся как в плане содержания, так и в художественном отношении. Открытый Достоевским новый социально-психологический тип был ошибочно воспринят как пародия на человека вообще. Нетрадиционная форма повествования была признана слабой попыткой подражания Гоголю в изображении жизни чиновников⁶.

¹ Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М. : Индрик, 2013. С. 87.

² Достоевский Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому от 1 февраля 1846 г. // Достоевский Ф. М. Т. 15. Письма 1834—1881. С. 57.

³ Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский. М. : Худож. лит., 1956. С. 58.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Мочульский К. В. Достоевский : Жизнь и творчество. С. 240.

⁶ См. об этом: Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821-1859). С. 229.

Критические отзывы первоначально были поддержаны частью советских литературоведов. Так, В. В. Ермилов, например, увидел в «Двойнике» подмену социального анализа психопатологическим. В. Я. Кирпотин и В. И. Кулешов расценили художественную концепцию повести как мрачный взгляд на человеческую природу.

Между тем еще В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» дал совсем иную оценку повести, признав талант Достоевского и его смелость в изображении психологии личности: «... характер героя принадлежит к числу самых глубоких, смелых и истинных концепций, какими только может похвалиться русская литература, ума и истины в этом произведении бездна, художественного мастерства – тоже...»¹. Правда, справедливости ради, следует сказать, что Белинский упрекает Достоевского за отступление, как ему кажется, от того направления, которое так отчетливо выразилось в «Бедных людях», то есть от реализма. Критику не понравится «фантастический колорит» повести: «Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находиться в заведывании врачей, а не поэтов»².

В. Н. Майков в уже упомянутой статье «Нечто о русской литературе в 1846 году», соглашаясь с Белинским – автором первого годового обзора («Взгляд на русскую литературу 1846 года»), подчеркнет глубину нравственно-психологической проблематики «Двойника». «"Двойник", – писал критик, – развертывает перед вами анатомию души, гибнущей от сознания разрозненности частных интересов в благоустроенном обществе»³.

Именно в критике впервые было указано на раздвоение личности Голядкина, с таким мастерством изображенное Достоевским. Речь идет о статье «Забитые люди» Н. А. Добролюбова, который следующим образом определил центральную тему повести: «раздвоение слабого, бесхарактерного и необразо-

---

¹ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 10. С. 40.

² Там же. С. 41.

³ Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году.

ванного человека между робкою прямою действий и платоническим стремлением к интриге, раздвоение, под тяжестью которого сокрушается наконец рассудок бедняка»¹. Критик рассматривает раздвоенность сознания героя как следствие негативных социальных условий, в которых ему [Голядкину] приходится жить.

Идеи, сформулированные в статьях Белинского («Взгляд на русскую литературу 1846 года»), В. Н. Майкова, Н. А. Добролюбова, стали основополагающими для отечественного литературоведения в оценке «Двойника».

С точки зрения исследователей, если в «Бедных людях» Достоевский стремился показать гуманность, свойственную «бедным людям», их нравственное превосходство над обитателями богатых домов, то в «Двойнике» Достоевским акцентируется другое: губительное влияние, которое оказывает общество на психологию «маленького человека»². Важно подчеркнуть, что Достоевский стремится сделать предметом своего психологического анализа именно человека «толпы», рядового чиновника, и в его душе пытается вскрыть сложную борьбу взаимоисключающих друг друга чувств и стремлений, приобретающих разнообразные, трагические и комические, грани.

Исследователями установлено, что сюжет «Двойника» представляет собой перипетии борьбы Голядкина-старшего с двойником – Голядкиным-младшим: так Достоевский выражает внутреннюю раздвоенность героя³. Но, как оказывается впоследствии, двойник Голядкина – такая же стертая, пошлая личность, как и он сам. Трагедия главного героя повести состоит в утрате собственной личности. В. Я. Кирпотин справедливо отмечает: «Голядкин-младший – это тот же Голядкин-старший, только успевающий. Всё о чём мечтает Голядкин-старший, почтительно-достоинное обхождение с влиятельными и важными людьми, умение поставить себя с ними на равную ногу, их признание, всего этого достигает Голядкин-младший. Голядкин-младший умеет достаточно объясниться, представить резоны, подольстить, в трудную минуту у него на руках

---

¹ Добролюбов Н. А. Забытые люди. С. 256.

² См. об этом: Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. С. 67.

³ См., напр.: там же. С. 69-70.

оказывается сильная рекомендация. <...> Старший хитрит и интригует неумело, трусливо и нелепо. Зато то, что не выходит у Голядкина-старшего, то совершенно удаётся Голядкину-младшему»¹. Таким образом, Голядкин-старший – это Голядкин неуспевающий, гонимый, несчастный, пытающийся урвать хоть клочок мещанского благополучного счастья, но которому это не удается. Голядкин-младший – это Голядкин покровительствуемый, успевающий, счастливый, освобождённый от опасений за будущее.

«На наших глазах двойник героя испытывает быструю психологическую трансформацию, от крайнего самоунижения и смирения переходя к столь же умеренной развязности к цинизму. Его взаимоотношения с Голядкиным и другими персонажами становятся все более разнообразными и сложными», – пишет Г. М. Фридлендер². В Голядкине, по мнению Н. Н. Арсентьевой, борются две взаимоисключающих друг друга стороны: «готовность смириться духом и найти покровительство у начальства и безумная мысль о похищении»³. Все действие повести уходит в глубь переживаний героя, вследствие чего возрастает роль внутренних монологов и авторских комментариев нравственно психологического состояния героя. Та жизнь, о которой он мечтает, та среда, к которой он стремится, безжалостно отталкивает его. Трагедия Голядкина заключается в том, что он, растрачивая свою личность в погоне за миражами, забыл о самом главном: нужно сохранять нравственные ценности, нужно оставаться человеком, несмотря на все недостатки и тяготы жизни.

После выхода «Двойника» Достоевский впал в уныние, прислушиваясь к отзывам критиков и читателей, он изменил первоначальное свое мнение о повести и уже 1 апреля 1846 года писал брату: «У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие. Идея о том, что я обманул ожидания и испортил вещь, которая могла бы быть великим делом, убивала меня. Мне Голядкин опротивел. Многие в нем писано наскоро и в утомлении. 1-я половина лучше последней. Рядом с блистательными страницами есть скверность, дрянь, из души

---

¹ *Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821-1859).* С. 281.

² *Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского.* С. 71.

³ *Арсентьева Н. Н. Двойник // Достоевский : Сочинения, письма, документы : Словарь-справочник.* С. 63.

воротит, читать не хочется. Вот это-то создало мне на время ад, и я заболел от горя»¹.

В этот трагический год Достоевский начинает работу над «Сбритыми бакенбардами» и «Повестью об уничтоженных канцеляриях». Но временно прерывается и начитает небольшую повесть для журнала А. А. Краевского «Отечественные записки» «Господин Прохарчин». От первых двух задуманных повестей остались только заглавия, потому что мечта об издании в одном томе всех сочинений потерпела крах. «Все мои планы рухнули и уничтожились сами собой, – пишет Достоевский брату 17 октября 1846 года, – издание не состоится... Я не пишу и "Сбритых бакенбардов". Я все бросил...»².

От работы в 1846 году уцелел лишь один рассказ – «Господин Прохарчин», главный персонаж которого такой же мелкий чиновник, как и герои Достоевского в предыдущих повестях. «Достоевский изобразил в Прохарчине чиновника, находящегося на штатной службе и получающего скромное жалованье. Путь накопления, который избирает Прохарчин, – это не выдача денег под заклад, а постоянное урезывание своих потребностей, прежде всего экономия в еде. Отсюда и фамилия "Прохарчин", от народного "прохарчиться" – истратиться на харчи, проесться», – отмечает В. С. Нечаева³.

Новая повесть Достоевского была встречена критикой 1840-х годов недоброжелательно. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» В. Г. Белинский полагал, что повесть порождена не столько вдохновением, сколько «умничаньем» или «претензией», заметив, что её «вычурность», «манерность», «непонятность» не соответствуют значимости поэтического замысла. Также же критик указал на большое количество повторов в тексте произведения⁴.

Внимание В. Н. Майкова было сосредоточено на «идее» рассказа – «страшном исходе силы господина Прохарчина в скопидомство, образовавшееся в нем вследствие мысли о необеспеченности...»⁵. Но и Майков отмечал «не-

¹ Достоевский. Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому от 1 апреля 1846 г. // Достоевский Ф. М. Т. 15. Письма 1834—1881. С. 59.

² Достоевский. Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому от 17 октября 1846 г. // Там же. С. 51.

³ Нечаева В. С. Ранний Достоевский (1821-1849). С. 164.

⁴ См.: Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. С. 41-42.

⁵ Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году.

ясность идеи», слабость развязки и недостаточно «выпуклое изображение» главного героя повести. Ап. А. Григорьев, напротив, отмечал достаточно определенную очерченность характера главного героя: «Мелочная личность поражена тем, что существование ее не обеспечено, и вследствие этой чрез меру развившейся заботливости утрачивает человечность – таков Прохарчин»¹.

Совершенно иную оценку рассказа «Господин Прохарчин» дал Н. А. Добролюбов в статье «Забитые люди», в которой критик, как известно, подводит итог творчеству Достоевского 40 - начала 60-х годов. Таким образом, Добролюбов смог увидеть эволюцию образа «забитого человека» в творчестве Достоевского, рассмотрев в этом контексте и образ Прохарчина. Он указал на связь их с «истинно гуманистическим» направлением творчества Достоевского и на наличие живой души у его героев. Но вместе с тем Добролюбов не видит в герое ничего примечательного, характеризуя его как типичного, заурядного человека: «Господин Прохарчин, как забитый, запуганный человек, ясен; о нем и распространяться нечего. О его внезапной тоске и страхе отставки тоже нечего много рассуждать». После чего критик объясняет судьбу героями объективными причинами и заключает: «Прохарчин оттого и погиб, что с пути здоровой философии сбился»².

Основная идея рассказа, возникшая в результате наблюдений Достоевского над психологией петербургской бедноты, – страх человека перед необеспеченностью и потенциальный протест против жестокой действительности. К. В. Мочульский пишет, что «Прохарчин служит мишенью для издевательств; сожители рассказывают при нем небылицы, чтобы запутать его; отодвигают ширмы от его кровати и кладут на неё куклу; два "приятеля" пытаются похитить его заветный сундучок»³. В этой травле, которая легла в основу произведения, полагает исследователь, прослеживается и личная драма Достоевского, «затравленного» кружком «Современника».

---

¹ Цит. по: *Чернова Н. В.* Господин Прохарчин // Достоевский : Сочинения, письма, документы : Словарь-справочник. С. 49.

² *Добролюбов Н. А.* Забитые люди. С. 259.

³ *Мочульский К. В.* Достоевский : Жизнь и творчество. С. 248.

Прохарчин – человек «несговорчивый, молчаливый», он «не умеет уживаться с людьми». Жил он раньше в «глухом, непроницаемом уединении», молча пролежал на кровати за ширмами пятнадцать лет и «сношений не держал никаких». «Светлая идея», которую Достоевский, по собственному признанию, испортил в «Двойнике», снова появляется в данном рассказе. Перед взорами читателей снова проблема одиночества человеческой души, замкнутости сознания, бегства в подполье. К. В. Мочульским замечено, что в «Двойнике» отрыв человека от действительности изображён в плане патологическом; Голядкин – сумасшедший, Прохарчин – только чудак «с фантастическим направлением головы», окруженный некоторой «таинственностью»¹. Но так же, как и «Двойник», новое произведение молодого Достоевского не было оценено по достоинству.

Рассматривая суждения критиков, работы литературоведов, посвященные раннему творчеству Ф. М. Достоевского, мы убедились, что к моменту начала работы над романом «Неточка Незванова» писателем был накоплен достаточный художественный опыт. К своим первым литературным произведениям, включая и не известные нам произведения в драматическом роде, Достоевский шел через освоение художественного опыта предшествующей ему литературы – как русской (первостепенное значение здесь имело творчество Гоголя, на традиции которого опирались писатели натуральной школы), так и западноевропейской.

Не последнюю роль в становлении Достоевского как писателя имела его переводческая деятельность. Прежде всего здесь надо сказать о выполненном Достоевским переводе на русский язык (впервые в России) романа Бальзака «Евгения Гранде», который стал для начинающего русского писателя поистине школой психологического мастерства. Но уже здесь, как было отмечено исследователями, проявилась творческая индивидуальность Достоевского, который далее все увереннее и увереннее будет заявлять о себе как художнике-психологе.

Уже первое опубликованное произведение Достоевского – «Бедные люди», воспринятое В. Г. Белинским как социальный роман, – свидетельствовало об

---

¹ Мочульский К. В. Достоевский : Жизнь и творчество. С. 248.

умении (фактически начинающего) писателя раскрывать внутренний мир человека, чему безусловно способствовала эпистолярная форма романа. Психологизм как черту таланта Достоевского одним из первых отметил В. Н. Майков («Нечто о русской литературе в 1846 году»), по сути, не согласившись с той трактовкой Достоевского как «второго Гоголя», которая была распространена в литературных кругах, близких Белинскому. Психологический анализ писателя был направлен на решение главной задачи, которую он поставил перед собой: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать...». Писателю удалось за внешней неприглядностью «бедных» и «забитых» героев – Макара Девушкина, Якова Голядкина, Семена Прохарчина и др. – разглядеть живую душу, ее страдания, волнения и порывы.

1.3. «Неточка Незванова»:

история создания романа и первые отклики

В 1847 году Ф. М. Достоевскому было предложено место фельетониста в «Санкт-Петербургских ведомостях» В. А. Соллогубом, близким к делам редакции. Молодого Достоевского привлекала свободная и широкая форма фельетона, манера непринужденной беседы, живой и интимной. Под рукой писателя фельетон становится лирической исповедью. Как отмечает К. В. Мочульский, «Петербургская летопись» – первый «Дневник писателя», его первая попытка художественного оформления душевных чувств и переживаний. Из этого резервуара идей и эмоций писатель черпает содержание своих повестей 1847-1848 годов¹.

«Петербургская летопись» помогла Достоевскому определиться с новой художественной темой, и эта тема – мечтательство. С точки зрения К. В. Мочульского, эта тема «вырастает из идеи замкнутого сознания, основной идеи всего творчества писателя»². Возникает целая серия произведений, посвященная

---

¹ Мочульский К. В. Достоевский : Жизнь и творчество. С. 251.

² Там же. С. 252.

мечтателям: «Хозяйка» (1847), «Белые ночи» (1848), «Слабое сердце» (1848), «Елка и свадьба» (1848), «Ревнивый муж» (1848)¹.

«Неточка Незванова» (1849) – незаконченный роман Ф. М. Достоевского, включается в этот ряд, завершая первый период творчества писателя. В письме своему брату, датированном от 17 декабря 1846 года, Достоевский отмечает: «Пишу я с рвением. Мне все кажется, что я завел процесс со всею нашей литературою, журналами и критиками и тремя частями романа моего в "Отечественных записках" и устанавливаю, и за этот год мое первенство назло недоброжелателям моим»². Зимой 1847 года впервые появляется будущее название романа, который писатель характеризует следующим образом: «Скоро ты прочтешь "Неточку Незванову". Это будет исповедь, как Голядкин, хотя в другом тоне и роде»³.

В «Неточке Незвановой» отчетливо проявляется авторская индивидуальность писателя. Достоевский вновь обращается к разработке важного в его произведениях образа ребенка из городской мещанской семьи (см.: «Бедные люди», 1845; «Елка и свадьба», 1848), который уже ощутил на себе все тяготы жизни: нищета, семейное неблагополучие, одиночество и т.д. Но само понимание жизни и внутренние переживания героя заметно усложняются именно в «Неточке Незвановой». Главная цель Достоевского в написании задуманного им романа – показать развитие и становление человеческого характера, в нашем случае женского, на широком социальном фоне.

Уже с малых лет Неточка – главная героиня произведения, от лица которой ведется повествование, – сама того не понимая, становится не по годам взрослой из-за трагических коллизий, сменяющих друг друга и сопровождающих Неточку на протяжении изображенных в романе девяти лет ее жизни. Страдающий ребенок – постоянная тема в творчестве писателя, которая находит свое отражение

¹ См. об этом, напр.: *Кирпотин В. Я.* Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821-1859). С. 296-339; *Щенников Г. К.* Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 41-43.

² *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому от 17 декабря 1846 // Достоевский Ф. М. Т. 15. Письма 1834—1881. С. 68.

³ *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому январь-февраль 1847 // Достоевский Ф. М. Т. 15. Письма 1834—1881. С. 72.

в эмансипированных женских образах, например, в «Униженных и оскорбленных» (Наташа Ихменева), в «Преступлении и наказании» (Дуня Раскольниковова), в «Идиоте» (Аглая Епанчина), в «Подростке» (Катерина Ахмакова).

К теме о судьбах женщин, начиная с 1820-х годов, обращались многие писатели, как русские (*А. С. Пушкин* «Евгений Онегин» (1831); *Е. А. Ган* «Медальон» (1839), «Суд света» (1840), «Теофания Аббиаджио» (1841), «Напрасный дар» (1842), «Любонька» (1842), «Ложа в одесской опере» (1842); *И. А. Герцен* «Кто виноват?» (1846) и «Сорока-воровка» (1848); *А. Я. Панаева* «Семейство Тальниковых» (1848)), так и зарубежные (*Ж. Санд* «Индиана» (1832), «Валентина» (1832), «Лелия» (1833), «Маркиза» (1834), *Ш. Бронте* «Джэн Эйр» (1849 г. – перевод на русский язык в «Отечественных записках») и др.). Но по сравнению с названными произведениями «Неточка Незванова» имеет свою отличительную особенность: детство главной героини изображается «под углом зрения формирования сложного и противоречивого характера будущей "мечтательницы"»¹.

Характерной чертой Ф. М. Достоевского является уверенность в успехе своего нового творения во время его написания. Восторженно критиками были встречены «Бедные люди», но после ни одно произведение писателя не было оценено по достоинству. Достоевский понимал, что ему непременно нужно встать на много ступеней выше, идти вперед, чтобы восстановить утраченные после публикации «Хозяйки» позиции. Литературные опыты Достоевского конца 1840-х годов объединяет настойчивое стремление автора не просто добиться успеха, сопоставимого с успехом произведения, произведшего фурор («Бедные люди»), но и воспользоваться уже опробованной романной формой в новом для нее варианте: писатель принимает решение создать роман в виде нескольких самостоятельных повестей, общим звеном для которых будет личность главного героя. Именно поэтому он обращается к традиционной для XVIII-XIX веков жанровой форме – к «роману воспитания». На таком определении «Неточки Незвановой» настаивают многие исследователи (*Н. В. Захаров, В. Террас, Н. Н. Соломина, Э. М. Жилякова*)².

¹ Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. С. 85-86.

² См. об этом: Загидуллина М. В. Неточка Незванова. С. 132.

План романа «Неточка Незванова» (в журнальной редакции авторский подзаголовок «История одной женщины») был поистине грандиозным: Достоевским были задуманы три-четыре части, одна из которых должна была оказаться в редакции «Современника» или «Отечественных записок» к 5 января 1847 года, готовым произведение должно было быть к осени. Работа затянулась, писатель не раз прерывал работу над романом. Напечатанный в 1949 году в «Отечественных записках» А. А. Краевского отрывок, содержащий детство Неточки, представлял собой по замыслу Достоевского лишь пролог. Впоследствии многое подверглось изменениям, в частности форма, сюжет, жанр и т.д.

Каждая дошедшая до читателя часть, по определению Г. М. Фридлендера, не только звено в композиции целого, но и внутренне законченная новелла с особым сюжетом, особой завязкой, кульминацией и развязкой¹. «Детство» (гл. I–III), «Новая жизнь» (гл. IV–V), «Тайна» (гл. VI–VII) – части, написанные до ареста Ф. М. Достоевского. 23 апреля 1849 года писатель был заключен под стражу за участие в собраниях петрашевцев, а после каторги «Неточку Незванову» Достоевский так и не закончил. Он отказался от этой идеи, переработав начало романа в повесть, рассказывающую о детстве и юности героини. Вследствие этого отпала необходимость деления на части, и нумерация глав в книге стала сплошной. Повествование, которое предполагалось вести от лица автора, перешло в зону главной героини, собственно, к самой Неточке. Ее история написана в форме дневника или воспоминаний, это «история души, постоянно уязвляемой неравенством, нечуткостью, несправедливостью в человеческих отношениях»². Писателю пришлось пожертвовать и некоторыми эпизодами, исключив из числа действующих лиц мальчика-сироту Лареньку, с которым Неточка подружилась в доме князя X-ого.

Сопоставляя «Неточку Незванову» с «Хозяйкой» (1847), Достоевский в письме к А. А. Краевскому от 1 февраля 1849 года писал: «Я очень хорошо знаю, Андрей Александрович, что напечатанная мною в январе 1-я часть "Неточ-

¹ См.: Фридлендер Г. М. Примечания к повестям «Белые ночи», «Неточка Незванова» // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Л. : Наука, 1988. Т. 2. С. 563.

² Румянцева Э. М. Ф. М. Достоевский. Л. : Знание, 1971. С. 70.

ки Незвановой" произведение хорошее, так хорошее, что "Отечественные записки", конечно, *без стыда могут дать ему место*. Я знаю, что это произведение серьезное. Говорю, наконец, это не я, а говорят *все* <...>. Я люблю мой роман <...> я знаю, что пишу вещь хорошую, такую, которая не принесет *риску*, а расположение читающих (я никогда не хвалюсь, позвольте уж теперь сказать правду, я вызван сказать это)»¹.

Вопреки ожиданиям Ф. М. Достоевского, «Неточка Незванова» не вызывала у критиков особого восторга, великие надежды на успех не оправдались. Н. Г. Чернышевский, сопоставляя «Неточку» Достоевского с повестью Д. Н. Григоровича «Капельмейстер Сусликов» (1848), в своем дневнике 12 января 1849 года писал: «Прочитал "Неточку"; хотя содержание мне не нравится, но мне кажется, что это решительно не то, что "Капельмейстер Сусликов": то чушь, а это писано человеком с талантом, так что не чуждо психологического анализа и занимательности для науки, хотя собственно мне и не понравилось»². Данная оценка, отмечающая явное достоинство и преимущество писателя, но отодвигающая на второй план его произведение, – не тот эффект, которого ожидал Достоевский.

В «Письмах иногороднего подписчика о русской журналистике» (1849) А. В. Дружинин оставил в целом довольно одобрительный отзыв на первую часть повести, отмечая ее достоинства и недостатки. Говоря о видимых плюсах, он подчеркивает, что в новом произведении Достоевского «много страниц умных, проникнутых чувством, хотя и скучноватых, анализ характеров заслуживает не менее внимания». Также даны комментарии по поводу стиля и языка повести: «... в "Неточке" меньше прежнего многословия и темных, вычурных выражений; язык стал заметно сжатее, хотя от этого и потерял часть образности»³. Но, несмотря на ряд, казалось бы, сочувственных суждений, Дружининым были замечены недостатки: «В авторе заметно постоянное усилие,

¹ Достоевский Ф. М. Письмо А. А. Краевскому от 1 февраля 1849 // Достоевский Ф. М. Т. 15. Письма 1834—1881. С. 74.

² Чернышевский Н. Г. Дневники. Полн. собр. соч. : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 221.

³ Дружинин А. В. Письма Иногороднего подписчика о русской журналистике [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0420olddorfo.shtml (дата обращения: 16.02.2017).

напряжение... он, видимо, старается поразить, озадачить своего читателя глубиной своей наблюдательности. Это, вместе с отсутствием меры, с неумением в пору остановиться, производит неприятное впечатление... Тяжким трудом отзываются повести г. Достоевского, пахнут потом, если так можно выразиться, и эта-то излишняя обработка, которой автор не умеет скрыть, вредит впечатлению»¹. Главная героиня также подверглась критике: несмотря на то, что женское имя взято за основу романа и вынесено в название, Дружинин настаивает, что в произведении все же нет женского лица, подчеркивается «вялость и бесцветность» главной героини, «болезненный колорит» и «унылые чувства». Не удалось Дружинину увидеть в Неточке самостоятельного характера, который бы являлся стержнем всей повести, он утверждал, что если поставить на ее место мальчика, то общее впечатление от прочитанного абсолютно не изменилось бы.

Переходя ко второй части повести, А. В. Дружинин высказывает мнение о влиянии детских образов Ч. Диккенса («Лавка древностей», 1841; «Домби и сын», 1848) на образ Неточки Незвановой. Это касается тем «странствия» и одиночества, которые заявлены в образах главных героев обоих писателей. Дружинин замечает, что в «Неточке Незвановой» до сих пор «нет ни завязки, ни действия, соразмерность произведения явно нарушена излишними подробностями о детском возрасте героини»². Но, закрывая глаза на явно выраженные недостатки, критик подчеркивает увлекательность и оригинальность последних страниц второй части, сводя это к тому, что «весь роман, если рассматривать его как ряд отдельных сцен, читается с удовольствием»³. Сопоставив два отзыва, можно заметить, что если в январском отзыве А. В. Дружинин указывает на отсутствие женского лица в повести, то в февральском он отказывается от этих замечаний.

Делая вывод о критическом отзыве А. В. Дружинина, можно сказать, что он с явным интересом проанализировал новое произведение Ф. М. Достоев-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

ского, выделяя достоинства и недостатки обеих частей. Намекая на эволюцию писателя, критик отметил некое превосходство «Неточки Незвановой» над ранее написанным «сентиментальным романом» «Белые ночи» (1848).

Л. В. Брант в своих размышлениях в журнале К. П. Масальского «Сын Отечества» считает, что Достоевский – основатель «*фантастически-сентиментального направления* в недрах "натуральной школы"». В первой части «Неточки Незвановой», по мнению Бранта, много «несообразностей и неправдоподобностей», «монологических отступлений, скучного резонерства, монотонного, утомительного анализа внутренних ощущений», но оригинальность таланта Достоевского в создании трагического эффекта заключительных страниц первой части не осталась незамеченной. Также Брант дал Достоевскому своего рода рекомендации: «лучше обрабатывать язык и слог, избегать неправильных, грубых оборотов и неприятной для слуха какофонии»¹.

Значительная, хотя и довольно лаконичная оценка повести Ф. М. Достоевского принадлежала Ап. А. Григорьеву. После появления «Неточки Незвановой», следуя за Л. В. Брантом, он отмечал: «... вся болезненная поэзия, разлитая истинным поэтом сентиментального натурализма в "Белых ночах", вся тревожная лихорадочность "Хозяйки", не могли спасти исчерпанного и обнаженного до скелета направления: *поэт сентиментального натурализма* сам сделал важный шаг к выходу из него в развивавшейся все глубже и глубже "Неточки Незвановой"»². Соглашаясь с А. В. Дружининым, Григорьев подчеркивает эволюцию Достоевского от более ранних произведений к «Неточки Незвановой».

В статье «Забитые люди» Н. А. Добролюбов, сопоставляя героев «Неточки Незвановой» с персонажами других произведений писателя, обращается, в частности, к созданному позже роману «Униженные и оскорбленные» (1861). Замечая, что Ф. М. Достоевский «любит возвращаться к одним и тем же лицам по не-

¹ См. об этом: [Брант Л. В.] «Неточка Незванова» и «Адам Христофорович фон -Тук» // Сын Отечества. СПб.: Типография К. Жернакова, 1849. № 3. С. 35-42 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.twirpx.com/file/878855/> (дата обращения: 10.12.2016).

² Григорьев А. А. И. С. Тургенев и его деятельность (по поводу романа «Дворянское гнездо») [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/g/grigorjew_a_a/text_0620.shtml (дата обращения: 11.03.2017).

сколькo раз и пробовать с разных сторон те же характеры и положения», Добролюбов пишет, что у писателя есть несколько типов, которым уделяется большое значение с его стороны. Во-первых, тип рано развившегося и болезненного ребенка: «... и вот он возвращается к нему и в "Неточке", и в "Маленьком герое", и теперь в Нелли <...> Характер Нелли – тот же, что характер Кати в "Неточке", только обстановка их различна». Во-вторых, тип человека, который до бескрайности самолюбив и неуравновешен: «и он дает нам г. Голядкина, музыканта Ефимова (в "Неточке"), Фому Фомича (в "Селе Степанчикове")». В-третьих, тип бездушного циника, «он его намечает в Быкове (в "Бедных людях"), неудачно принимается за него в "Хозяйке", не оканчивает в Петре Александровиче (в "Неточке") и, наконец, теперь раскрывает вполне в князе Валковском». В-четвертых, Достоевский предпринимает неудачные, с точки зрения Добролюбова, попытки создать идеал некой девушки: «Варенька Доброселова в "Бедных людях", Настенька в "Селе Степанчикове", Наташа в "Униженных и оскорбленных"»¹.

Определяя героев Достоевского как «бедных и неопределенных» и подчеркивая неполноту их внешнего выражения, скупость в их изображении, Добролюбов тем самым указывает на недостатки писателя, который от произведения к произведению вынужден повторять самого себя и не доводит до совершенства обрисованный им образ².

В более поздней критике о романе «Неточка Незванова» также упоминается главным образом в комментариях к роману «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского. Говоря о содержании романа «Униженные и оскорбленные» и образе Нелли, О. Ф. Миллер в «Публичных лекциях» рассматривает его в сопоставлении с Неточкой. Подобную точку зрения, как мы успели заметить, в свое время высказал Н. А. Добролюбов, проведя параллель между героинями обоих произведений и причисляя их к ряду «забитых людей», которые, по его словам, «придавлены жизнью». Миллер, полемизируя с критиком, не соглаша-

¹ См.: Добролюбов Н. А. Забитые люди. С. 238.

² Там же. С. 239.

ется с последним высказыванием, обвиняя Добролюбова в «односторонности», и настаивает на том, что все же некоторым героям Достоевского не удалось «окончательно подавить в себе все человеческое». Этими героями, по мнению Миллера, были Неточка и Нелли, развитие которых достигало «крайних пределов»; несмотря на свой юный возраст, они, «не поддаваясь» жизни, оказались способными в равной степени любить и ненавидеть¹.

Итак, анализ критических статей помогает нам сделать вывод о том, что в целом «Неточка Незванова» получила в целом неутешительные для автора отзывы, содержащие ряд замечаний. Почти всеми критиками признается неоспоримый талант Достоевского, отмечается его творческая эволюция в сравнении с более ранними произведениями («Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка», «Белые ночи»), подчеркивается одна существенная подробность – образ Неточки Незвановой во многом предваряет последующих героинь Достоевского. Вероятно, имеется в виду психологический план изображения персонажей. Однако прямо об этом в критике не говорится.

Основное внимание критики было направлено на образ Неточки Незвановой. Однако в оценке его критики не были единодушны: одни не увидели в героине собственно женского характера, указывали на несамостоятельность данного образа, его безликость и безжизненность (впрочем, это замечание касалось всех героев романа) (А. В. Дружинин, Н. А. Добролюбов); другие – и их заметное меньшинство – настаивали на том, что Достоевскому удалось создать характер Неточки как сильной личности, способной к рефлексии (О. Ф. Миллер).

Вопросы, касающиеся стиля «Неточки Незвановой», также были затронуты критиками. В частности, по мнению А. В. Дружинина, потеря образности и сухость языка мешают адекватному читательскому восприятию: «... в "Неточке" меньше прежнего многословия и темных, вычурных выражений; язык стал заметно сжатее, хотя от этого и потерял часть образности»². Художествен-

---

¹ См.: Миллер О. Ф. Публичные лекции : Тургенев, гр. Л. Н. Толстой, Гончаров, Достоевский, Писемский, Некрасов, Щедрин и др. [Электронный ресурс] // URL: http://lib.biblioclub.ru/book_119356_Publichnye_lektsii/ (дата обращения: 18.03.2017).

² Дружинин А. В. Письма Иногороднего подписчика о русской журналистике.

ный метод писателя был понят рядом критиков как «сентиментальный натурализм» (Ап. А. Григорьев, Л. В. Брант), что дает основание говорить о том, что напряженный психологизм романа не остался незамеченным. Но эта более всего интересующая нас тема не получила в работах критиков необходимого раскрытия. А именно в «Неточке Незвановой» усложняется понимание человека и принципы его изображения. Но прежде чем перейти к детальному изучению «Неточки Незвановой», обратимся к рассмотрению психологизма как особенности стиля в теоретическом аспекте.

Глава 2. Литературный психологизм в теоретическом освещении

2.1. О сущности понятия «психологизм»

Одна из важнейших проблем в литературоведении – проблема психологизма как стилевой доминанты, проявляющейся в творчестве целого ряда писателей. Психологическое направление, возникшее в России в XIX веке, – значи-

тельная часть культурно-исторической школы, основателями которой стали А. А. Потебня и Д. Н. Овсяннико-Куликовский, изучавшие проблемы соотношения языка и мысли, различия научного и художественного мышления, психологии творчества и восприятия произведений художественной литературы¹. Появилось данное направление в связи с тем, что сама литература стала влиять на образ мыслей и общественно-значимые события эпохи. Если первоначально объектом литературного изображения были видимые, внешние процессы и события, то в дальнейшем внимание писателей начинает привлекать проблема личности, а, следовательно, появляется интерес к ее внутренней организации.

Понимание внутренней жизни человека со времен поздней античности осложнялось и активно развивалось, принимая разнообразные формы. Вторая половина XIX века – качественно новый этап в развитии психологизма по сравнению с предшествующими эпохами. Писатели-реалисты, руководствуясь эстетической установкой на познание объективной действительности в ее типических свойствах, тяготели к изображению личности не только как продукта определенных обстоятельств, но и как индивидуальности, вступающей в широкие и многообразные отношения с окружающим миром, посредством чего характер человека раскрывался во всей своей полноте, приобретая принципиально новые черты.

Таким образом, в XIX веке отчетливо проявились общекультурные закономерности, благоприятствующие развитию психологизма: во-первых, на протяжении всей человеческой истории повышается ценность личности и возрастает мера ее нравственной ответственности; во-вторых, усложняется исторически складывающийся тип личности, так как обогащается сама система общественных отношений (бытовые, семейные, идеологические, моральные, правовые и др.); в-третьих, развивается и усложняется мышление человека о мире; наконец, увеличивается и обогащается духовная культура и, как следствие, культурный кругозор каждого отдельного человека. Это свидетельствует о том, что реалистический психологизм XIX века полностью реализует возможности лите-

---

¹ См. об этом: *Потемкина О. Ф.* Психологический анализ рисунка и текста. СПб. : Речь, 2006. С. 364.

ратурно-художественного освоения внутреннего мира человека и достигает своего совершенства¹.

Обратимся непосредственно к самому термину «психологизм» во всей его сложности и многоаспектности. В работе А. Б. Есина «Психологизм русской классической литературы» данное явление понимается в двух значениях – в обобщенном и более узком. В первом случае под психологизмом подразумевается всеобщее свойство искусства, заключающееся в воспроизведении человеческой жизни, в изображении человеческих характеров². Важной в этом отношении является мысль о том, что искусство, и литература в частности, познает социальные явления посредством психологических. Таким образом, воссоздавая тот или иной характер персонажа, который базируется на некоей социальной определенности, писатель формирует самобытную личность, наделенную особыми психологическими свойствами: «Совокупность устойчивых черт личности – реальной или вымышленной – называется в научной психологии и обыденной речи *характером*. Характер – это, безусловно, явление психологическое»³. Можно заключить, что художественная литература психологична по своей природе, поскольку практически каждое произведение изображает в большей или меньшей степени внутренний мир героя, его эмоции и чувства, мысли и переживания.

О. Ф. Потемкина в трактовку психологизма как всеохватывающего явления включает значимость фигуры автора, особенности его психологии, которые естественным образом находят свое выражение в создаваемом им произведении, а также эмоциональный отклик читателя на то или иное произведение. В сферу психологизма, как справедливо отмечает О. Ф. Потемкина, кроме творческой индивидуальности писателя, входят его идеи, жизненное кредо, поворотные пункты судьбы, особенности социальных взаимосвязей: «Писатель, создавая своих героев, глубже постигает человеческую психологию, развивая свои

---

¹ См. об этом: *Есин А. Б.* Психологизм русской классической литературы. М. : Флинта : Моск. психол.-социал. ин-т, 2003. С. 51-61.

² См. об этом: там же. С. 4.

³ Там же. С. 5.

возможности как "инженера человеческих душ"¹. Системный подход к анализу художественного произведения в аспекте психологизма, по замечаниям исследователя, можно осуществить, принимая во внимание данные категории.

Термин «*психологизм*», как отмечает А. Б. Есин, получил в литературоведении и более узкое значение, согласно которому он является свойством, характерным для определенной части литературы, а именно установкой некоторых писателей на постижение внутреннего мира человека, его мыслей, переживаний, желаний, когда психологическое изображение становится основным способом, с помощью которого познается характер, когда оно несет в себе значительную содержательную нагрузку, в огромной мере раскрывая особенности тематики, проблематики и пафоса произведения².

В этом значении данный термин используют и другие литературоведы, стремясь выявить своеобразие приемов и способов психологического изображения внутреннего мира героев в творчестве конкретных писателей (Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Г. Флобера и др.)³.

По замечаниям А. Б. Есина, смешение различных пониманий термина «психологизм» – универсального, всеобщего свойства искусства, и узкого, специального, характеризующего лишь часть художественных произведений – недопустимо, поскольку это мешает основательному изучению психологизма как самостоятельного явления.

А. Б. Есин указывает на наличие в литературе двух способов художественного освоения реальности – *психологического* и *непсихологического*, которые с эстетической точки зрения равносильны друг другу. Исследователь подчеркивает, что отсутствие психологизма в том или ином произведении не недостаток и не достоинство, неверным будет вопрос и о степени превосходства художника-психолога и художника-непсихолога, их просто будут отличать творческие манеры, каждая из которых будет ценна сама по себе. Кроме того, не-

---

¹ Потемкина О. Ф. Психологический анализ рисунка и текста. С. 366.

² Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. С. 12.

³ См. об этом: Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М. : Интрада, 1999. С. 286; Потемкина О.Ф. Указ. соч. С. 366 – 376.

психологический способ вовсе не отменяет глубины понимания человеческого характера: «Разумеется, то, как понимает писатель структуру человеческой индивидуальности, во многом влияет и на само наличие психологического изображения в художественном произведении, и на конкретные особенности этого изображения. Тем не менее, между принципами характерологии и наличием или отсутствием психологического изображения нет необходимой жесткой связи»¹. Это явления разного уровня и характеризуют они разные стороны художественного произведения.

Понимание писателем структуры личности определяет эстетические принципы творческого метода, то есть принципа художественного отражения действительности. Изображение внутреннего мира человека – психологизм в собственном смысле слова – представляет собой способ построения образа, воспроизведения и осмысления того или иного жизненного характера и принадлежит к области содержательной формы, характеризует стилевое своеобразие произведения и определяет творческую индивидуальность писателя. «Психологизм, когда он присутствует в произведении, выступает как организующий стилевой принцип, стилевая доминанта, то есть главное эстетическое свойство, решающим образом определяющее художественное своеобразие произведения и подчиняющее себе строение всей образной формы»².

Таким образом, психологизм в «узком» смысле – особая система элементов художественной формы, в которой все изобразительно-выразительные средства направлены на постижение внутреннего мира персонажей.

Установление терминологической ясности является необходимым условием для дальнейшего рассмотрения психологизма как литературного явления. В литературоведении выстроилась логичная система значения, связанных с термином «психологизм», на основании которых можно сделать следующие выводы. Во-первых, психологизм выступает как родовой признак искусства слова, его органическое свойство. Во-вторых, психологизм может быть обозначен как результат художественного творчества, как выражение и отражение психологии

¹ Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. С. 9.

² Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. С. 10.

самого автора, его персонажей и, шире, – общественной психологии (класса,словия, социальной группы, эпохи и т.д.), которая раскрывается через личность художника и созданные им образы. В-третьих, психологизм является способом эмоционального воздействия на читателя. В-четвертых, психологизм является организующим эстетическим принципом художественного стиля, его доминантой как в конкретном произведении, так и в творческой манере писателя¹.

Как полагает В. В. Компанеец, следует очертить четкие границы между многообразными трактовками понятия «психологизм». Таким образом, о психологизме в широком смысле следует говорить лишь тогда, когда речь идет об универсальных свойствах произведения искусства: «Писатель не властен решать вопрос, быть психологизму в произведении или отсутствовать, он в любом случае в той или иной мере будет ощущаться»². Если же мы имеем дело с целевой установкой автора на постижение внутреннего мира героев, с сознательным эстетическим принципом, уместнее использовать термин «*психологический анализ*»: «Появление психологического анализа в произведении, его форма и типология чаще всего зависят от сознательной установки писателя, от характера его дарования, личностных свойств, от ситуации в произведении и т.д.»³.

2.2. Формы и приемы психологического изображения

Данные размышления подводят нас к вопросу о формах, в которых реализуется психологизм как стилевая доминанта в творчестве целого ряда писателей, но в каждом конкретном случае одна из форм является преобладающей, излюбленной, но совершенно не исключающей употребления других⁴. И. В. Страхов

---

¹ См. об этом: *Иезуитов А. Н.* Проблемы психологизма в эстетике и литературе // Проблемы психологизма в советской литературе / под ред. В. А. Ковалевой, А. И. Павловского. Л. : Наука, 1970. С. 39-40; *Есин А. Б.* Психологизм русской классической литературы. С. 28.

² *Компанеец В. В.* Художественный психологизм как проблема исследования // Русская литература. 1974. № 1. С. 53.

³ *Компанеец В. В.* Художественный психологизм как проблема исследования. С. 52.

⁴ См. об этом: *Карлова Т. С.* Вопросы психологического анализа в наследии Л. Н. Толстого : (по материалам ст., писем, дневников). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1959. С. 11.

полагает, что существуют две основные формы психологического изображения характеров, а именно изображение «изнутри», путем художественного познания душевного мира действующих лиц через посредство внутренней речи, образов памяти и воображения, и «извне», то есть через психологическую интерпретацию писателем особенностей речевого поведения, мимики и других внешних средств выражения психологии героев¹. А. Б. Есин подчеркивает, что в сущности И. В. Страхов говорит о двух основных формах психологизма в литературе: «прямой», выполняющей ведущую роль в непосредственном воссоздании процессов внутренней жизни через исповеди, дневники, письма; «косвенной» – изображающей внутренний мир героя через внешние проявления психологического состояния – жест, мимику, поступок, монолог, диалог с другими героями и т.д.

На аналитичность доминирующих в литературе форм указывает в своей диссертационной работе А. Н. Кудреватых: «В первом случае [речь идет о «косвенной» форме – Н. К.] анализ оказывается прерогативой читательского сознания. Разумеется, это возможно только при условии, что писатель и сам в процессе написания произведения проделал огромную исследовательскую работу, проникнув в скрытые от внешнего взгляда тайники души своих персонажей, и нашел их адекватные внешние проявления. Фактически анализ в такой форме присутствует имплицитно, как бы за текстом собственно художественного произведения. Во втором случае [«прямая» форма – Н. К.] анализ представлен эксплицитно, проявлен в самой ткани художественного повествования»².

А. Б. Есин указывает на возможное наличие третьего способа сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа – с помощью называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают в его внутреннем мире, и предлагает условно назвать такую форму психологизма «суммарно-

---

¹ См. об этом: Страхов И. В. Психологический анализ в литературном творчестве : в 2 ч. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. Ч. 1. С. 3-4.

² Кудреватых А. Н. Эволюция психологизма в прозе Н. М. Карамзина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. С. 19.

обозначающей»¹. «Одно и то же психологическое состояние, – отмечает исследователь, – можно воспроизвести с помощью разных форм психологического изображения. Можно, например, сказать: "Я обиделся на Карла Ивановича за то, что он разбудил меня" – это будет суммарно-обозначающая форма. Можно изобразить внешние признаки обиды: слезы, нахмуренные брови, упорное молчание – это косвенная форма. А можно, как это и сделал Толстой, раскрыть психологическое состояние при помощи прямой формы психологического изображения: "Положим, – подумал я, – я маленький, но зачем он тревожит меня?.."»². Аналитических усилий со стороны читателя, по замечанию А. Н. Кудреватых, «суммарно-обозначающая» форма не предполагает, но, вступая во взаимодействие с «прямой» и «косвенной», обогащает и углубляет каждую из них³.

Каждая из форм психологического анализа имеет соответственные ей приемы и способы изображения жизни героев. К «косвенным» формам психологического изображения относятся прежде всего детали портрета (именно *психологического* портрета, как утверждает А. Б. Есин, поскольку он указывает не на устойчивые свойства характера, а на постоянную смену внутренних состояний героя), пейзажа, интерьера, мира вещей и другие. Для психологизма важен в первую очередь акцент на воспроизведение внутреннего мира, а не внешнего бытия, но вместе с тем именно *внешние детали* работают на изображение душевной организации героя, приобретая функцию сопровождать и обрамлять психологические процессы. Происходящие с героем события, окружающая его обстановка и находящиеся в поле зрения предметы становятся источниками его размышлений, служат стимулом для мыслительных процессов, оказывают сильное эмоциональное воздействие, формируют определенное душевное состояние в тот или иной момент его жизни. Мимика, жестикуляция, пластика, поведение, речь, физиологические изменения также являются деталями, с помощью которых показывается внешнее выражение внутреннего мира героя⁴.

---

¹ См. об этом: Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. С.13.

² Там же. С. 13-14.

³ См. об этом: Кудреватых А. Н. Указ. соч. С. 19-20.

⁴ См. об этом: Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. С.31-36.

Внешнее и внутреннее состояния героя могут не совпадать, именно это несоответствие используют писатели как особый прием, раскрывающий характер персонажа в критические и напряженные моменты и усиливающий остроту его положения.

К «косвенным» формам следует отнести прием *психологического повествования от третьего лица* и прием *умолчания*. Повествование от третьего лица имеет в изображении внутреннего мира героя в отличие от перволичного повествования ряд преимуществ. Во-первых, оно направлено на авторское повествование о чувствах и мыслях героя, помогая входить читателю во внутренний мир персонажа, одновременно интерпретируя и его внешнее поведение. Во-вторых, повествование от третьего лица может являться некоей универсальной формой, вбирая в себя такие формы психологического изображения как внутренние монологи, публичные исповеди, отрывки из дневников, письма, сны и т.д. В-третьих, повествование от третьего лица свободно обращается с художественным временем, дает возможность уходить от подробностей событий и рассматривать более детально психологическое состояние героя. Наконец, в отличие от перволичного повествования, повествование от третьего лица позволяет охватывать наибольшее количество героев, раскрывая их внутренний мир¹.

Прием *умолчания* как разновидность художественного подтекста создает в произведении особую атмосферу, наполненную психологизмом, и заставляет читателя самостоятельно догадываться, что происходит во внутреннем мире героя. Кроме того, такой прием оказывается художественно весьма эффективным, представляя изображение внутреннего мира героя более емко, но вместе с тем, не теряя своей важности в содержательном плане. «Несмотря на формальное отсутствие психологического изображения в тексте, – отмечает А. Б. Есин, – оно в этот момент как бы продолжает существовать в читательском сознании»². Прием *умолчания* писатель устанавливает диалог с читателем, привлекая его к изучению душевных переживаний изображаемого героя. Довольно часто писатель намеренно использует данный прием, показывая внутренний мир героя

¹ См. об этом: Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. С. 37-40.

² См. об этом: там же. С. 49.

как один из наиболее вероятных и возможных вариантов, или же, наоборот, стремится показать сложность характера и его невозможность быть понятым в полной мере, во всех подробностях и деталях. Таким образом, прием умолчания используется в виде намека, чтобы читатель почувствовал установку автора, которую он применяет в изображении персонажей¹.

Наиболее распространенными композиционно-повествовательными формами, изображающими психологические процессы «изнутри», являются *внутренний монолог* и *авторское психологическое изображение*. Если авторское психологическое изображение раскрывает в равной степени как рациональную, так и эмоциональную сторону сознания и психики, то внутренний монолог используется для описания мыслительной деятельности героев, в которой ощущения могут передаваться либо со стороны самого персонажа, включившего ту или иную эмоцию в поток внутренней речи (то есть во внутренний монолог введены мысли, отражающие состояние героя в тот или иной момент его жизни), либо

с помощью особого построения самой внутренней речи (например, быстрые или замедленные переходы героя от одних мыслей к другим). К особым разновидностям внутреннего монолога необходимо отнести *способность героя к психологическому самоанализу* (адекватная оценка героем собственных переживаний, суждений, поступков) и *поток сознания* (хаотичные мысли героя, поддерживаемые не логической, а ассоциативной связью). Авторское психологическое изображение включает в себя два способа передачи происходящих в сознании и душе героя процессов, которые помогают в полной мере воссоздать его психологический портрет: через *описание* (воспроизведение статичного чувства) и посредством психологического *повествования*, в котором прослеживается динамика мыслей, эмоций, желаний героя².

Существуют совершенно особые, излюбленные писателями-психологами приемы, позволяющие проникнуть в глубины человеческого сознания. К ним относят прежде всего *сны* и *видения*, а также *введение в повествование персона-*

¹ См. об этом: там же. С. 48-50.

² См. об этом: *Есин А. Б.* Психологизм русской классической литературы. С. 41-43.

жест-двойников. С их помощью раскрываются новые психологические состояния (например, состояние между сном и явью), запечатлевается система образов, ассоциаций, позволяющих изобразить характер в полной мере с учетом не только действительной, видимой стороны жизни героя, но и бессознательной, которая дает возможность более тщательной психологической обрисовки персонажа со свойственными ему противоречиями. Кроме того, фиксация внутренней жизни героя посредством *сна* придает образу большую степень правдоподобия за счет художественного воспроизведения самого процесса сновидения с присущими ему закономерностями психической жизни, что приводит к появлению реальной мотивировки тех или иных душевных состояний героя: нервное напряжение, душевная болезнь, острое впечатление и так далее¹. Введение в повествование *героя-двойника* также случит целям психологического изображения: с его помощью материализуется какая-то часть сознания основного действующего лица, совершенно противоположному ему по целевым и нравственным установкам, и, таким образом, двойник выполняет функцию воплощения психологической раздвоенности героя².

Каждый отдельный писатель используют рассмотренные приемы и способы психологического изображения по-разному в зависимости от выдвинутой на первый план идейно-нравственной проблематики, которая оказывает прямое и непосредственное влияние на особенности художественной формы произведения, и в частности на наличие или отсутствие в нем психологизма. Следовательно, появление психологизма обусловлено авторским осмыслением не только интересующих его вопросов создаваемой действительности, но и глубоким анализом свойств психики персонажей. А. Б. Есин под идейно-нравственной проблематикой понимает интерес писателя к жизненной позиции человека и к процессам изменения этой позиции. Важную роль при этом играют процессы нравственного и идейного самоопределения личности – философские искания героев, попытки поиска истины и ответов на вечные вопросы о добре и зле, правде

---

¹ См. об этом: там же. С. 43-46.

² См. об этом: *Есин А. Б.* Психологизм русской классической литературы. С. 46-48.

и справедливости, то есть желание понять суть жизни в целом¹. Формами же нравственно-философский исканий и осмысления собственной жизни становятся именно душевные переживания героев, которые носят неслучайный, напряженный характер. «Литературный психологизм, таким образом, – по справедливому замечанию А. Б. Есина, – это художественная форма, воплощающая идейно-нравственные искания героев, форма, в которой литература осваивает становление человеческого характера, мировоззренческих основ личности. В этом прежде всего состоит познавательная и художественная ценность психологизма»².

Рассмотрение в теоретическом аспекте форм и приемов психологического анализа в литературе позволит нам увидеть, как ими пользуется Ф. М. Достоевский в своем незавершенном романе «Неточка Незванова», выявлению специфики психологизма которого и посвящено наше исследование.

---

¹ См. об этом: там же. С. 24.

² Там же. С. 28.

Глава 3. Психологический анализ «Неточки Незвановой»: становление характера главной героини

При анализе субъектной организации, которая несет на себе основную «тяжесть» жанровой нагрузки незавершенного романа Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова», мы опираемся на теоретическую базу, представленную в работах Б. О. Кормана и Н. Л. Лейдермана¹. В «Неточке Незвановой» восприятие мира показано через призму сознания главной героини: именно Неточка становится основным субъектом речи и сознания посредством «прямых» и «косвенных» форм психологического изображения – приемов перволичного повествования и внутреннего монолога, воплощенных писателем в форме ее дневника. Пространственно-временной план романа включает в себя период взросления главной героини от 8 до 17 лет, но, несмотря на длительный временной диапа-

---

¹ См. об этом: *Корман Б. О.* О целостности литературного произведения // Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 120-124; *Лейдерман Н. Л.* Теоретическая модель жанра // Лейдерман Н. Л. Теория жанра : Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. С. 119-121.

зон, пространство сужено и не выходит за границы стен помещения: чердак, дом «с красными занавесами», дом Александры Михайловны.

В соответствии с этим роман разбит на три самостоятельные повести, названные в редакции 1849 года «Детство» (гл. I–III), «Новая жизнь» (гл. IV–V), «Тайна» (гл. VI–VII). Становление характера Неточки Незвановой мы будем рассматривать в данной последовательности, поэтапно наблюдая за процессом внутреннего взросления главной героини, поскольку каждая повесть включает в себя ключевое событие, влияющее на ход разворачиваемых в произведении действий и на судьбу Неточки Незвановой в частности.

3.1. «Детство» (гл. I–III)

В первой повести «Детство» Неточка Незванова как главный субъект речи и сознания в художественном мире произведения Ф. М. Достоевского рассказывает читателям не только о ранних годах своей жизни, но и раскрывает отдельную, вписанную в общий контекст, историю ее отчима – музыканта Егора Петровича Ефимова, на образе которого, как уже отмечалось, останавливали свое внимание советские и современные литературоведы, затрагивая трагедийную сторону, связанную с ним. Нас же в ходе исследования более всего интересуют взаимоотношения отчима и падчерицы, в частности, нам важно понять, как образ музыканта Ефимова повлиял на становление характера Неточки, какие качества раскрываются и приобретаются впоследствии их связи друг с другом, какие психологические процессы и/или изменения претерпевает сознание Неточки в ранние годы жизни под воздействием внешних факторов.

Заметим, что Ф. М. Достоевский уже обращался к «прямой» форме психологического анализа (вспомним переписки Макара Деушкина и Вари Доброселовой – Н.К.). Находясь только на первом этапе творческого пути, он понимал,

что внешние проявления чувств (поступки, жесты, мимика) не всегда соответствуют внутреннему состоянию души. Отсюда попытки писателя изобразить душу героя «изнутри», что обуславливает появление интереса к такому приему, как и внутренний монолог, являющихся, пожалуй, основным в романе «Неточка Незванова». С нашей точки зрения, именно в этом произведении Достоевский, не отказываясь от «косвенной» формы психологизма, также хорошо освоенной им

в более ранних произведениях, находит путь и к прямому изображению внутренней жизни героев.

Знакомство с Неточкой начинается с описания ее внутренних ощущений в период жизни с отчимом и матерью. Сразу стоит отметить, что Ф. М. Достоевский на протяжении всего повествования намеренно избегает портретного изображения главной героини, что является, на наш взгляд, особым приемом, помогающим сосредоточиться непосредственно на раскрытии душевной организации Неточки Незвановой.

«Я начала себя помнить очень поздно, только с девятого года. Не знаю, каким образом всё, что было со мною до этого возраста, не оставило во мне никакого ясного впечатления, о котором бы я могла теперь вспомнить. <...> Но с той минуты, когда я вдруг начала сознавать себя, я развилась быстро, неожиданно, и много совершенно не детских впечатлений стали для меня как-то страшно доступны. Всё прояснилось передо мной, всё чрезвычайно скоро становилось понятным. Время, с которого я начинаю себя хорошо помнить, оставило во мне резкое и грустное впечатление; это впечатление повторялось потом каждый день и росло с каждым днем; оно набросило темный странный колорит на всё время житья моего у родителей, а вместе с тем — и на всё мое детство» (224)¹.

Прибегая к «косвенному» приему психологического изображения – описанию интерьера, Достоевский подчеркивает, что детство Неточки окрашено в повествовании исключительно мрачными тонами, нагнетающими общую атмосферу. На чердаке, где семье Неточки приходилось существовать, все подчеркивало нищету и неблагополучие, что не могло не отразиться в сознании девятилетнего ребенка: «большая, душная, нечистая комната с низким потолком»; «окрашенные грязновато-серой краской стены»; «окна низенькие и широкие,

---

¹ Здесь и далее цит. по: *Достоевский Ф. М. Неточка Незванова // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 15 т. Повести и рассказы 1848-1859. Л. : Наука, 1988. Т. 2. С. 203-356 (с указанием страницы в тексте работы).*

словно щели»; «мебель состояла из остатка клеенчатого дивана, всего в пыли и в мочалах, простого белого стола, двух стульев, матушкиной постели, шкафчика с чем-то в углу, комода, который всегда стоял, покачнувшись набок, и разодранных бумажных ширм». В такой обстановке формировалось детское сознание Неточки, что повлекло за собой рано развившееся чувство одиночества и характер мечтательности, естественное желание вырваться из этого мира. Вспомним работу С. А. Косякова, который придает большое значение в раскрытии образов героев их фамилиям, несущим дополнительную нагрузку, например, приставка «не-» у Незвановой несет в себе отрицательную коннотацию, а возникающая ассоциация с незванным гостем только усиливает ощущение брошенности, забытости героини и ее одиночество¹.

Неслучайно Ф. М. Достоевский вводит образ богатого дома «с красными занавесами», контрастно отличающимся от того бедного жилища, в котором обитала семья Неточки: «блеск красных как пурпур гардин»; «ярко освещенный дом»; «к крыльцу всегда подъезжали богатые экипажи на прекрасных, гордых лошадях»; «и крик, и суматоха у подъезда, и разноцветные фонари карет, и разряженные женщины»; «вид чего-то царственно-пышного и сказочно-волшебного». В этот мир стремилась попасть совсем юная Неточка, уже замечающая разницу положения своей семьи в обществе и расхождение характеров родителей:

«... я не удивляюсь, что среди таких странных людей, как отец и мать, я сама сделалась таким странным фантастическим ребенком. Меня как-то особенно поражал контраст их характеров. Меня поражало, например, то, что матушка вечно заботилась и хлопотала о нашем бедном хозяйстве, вечно попрекала отца, что она одна за всех труженица. <...> ... я с каким-то удивлением узнала, что батюшка артист (это слово я удержала в памяти), что батюшка человек с талантом; в моем воображении тотчас же сложилось понятие, что артист – какой-то особенный человек, непохожий на других людей» (228).

Начиная с первых строк повествования, Неточка отводит немаловажную роль в своей судьбе Егору Ефимову:

---

¹ См. об этом: Косяков С. А. «Неточка Незванова» и «Подросток»: о генезисе мечтателя в творчестве.

«Мой отчим был музыкант. Судьба его очень замечательна: это был самый странный, самый чудесный человек из всех, которых я знала. Он слишком сильно отразился в первых впечатлениях моего детства, так сильно, что эти впечатления имели влияние на всю мою жизнь» (203).

Сближению Неточки с отчимом способствовали два эпизода: ссора отчима и матушки, в которой Неточка интуитивно заняла позицию отца, и эпизод с разбитой чашкой, в котором Ефимов в глазах Неточки сделался спасителем от матушкиного гнева. Он был для нее человеком, которого, по мысли главной героини, нельзя было не любить. Придуманый Неточкой образ Ефимова надолго закрепился в ее сознании, ложное понимание его природы сказалось на дальнейших взаимоотношениях с ним. Воссоздавая образ Ефимова, Достоевский пользуется приемом несоответствия между внутренним и внешним его изображением: перед Неточкой Ефимов пытается казаться тем, кем на самом деле не является, и делает он это, безусловно, ради собственной выгоды. Справедливости ради, стоит отметить, что образ Неточки Незвановой также прорисован Достоевским с учетом данного различия в ее характере (несоответствие внутреннего и внешнего состояния героини), правда, в ином аспекте, но об этом позднее.

Ефимов чаще всего не замечал падчерицу, но он видел ее доброту, расположенность к нему, отзывчивость и кротость маленькой, но уже не по годам взрослой, Неточки. Совместное времяпровождение за азбукой, которое в дальнейшем вошло в привычку, – самый счастливый момент в жизни Неточки, в эти мгновения она чувствовала заботу и ласку Ефимова. Неточка и Ефимов, сумевший заменить ей отца, сблизились, именно он вселял в Неточку надежду на лучшую жизнь, «когда умрет матушка». За эти слова зацепилось детское сознание Неточки, порождая нескончаемый поток неверных ассоциативных связей. Неточка грезилась о жизни с отцом в «доме с красными занавесами», о счастливом, полном достатка и любви детстве:

«Тотчас являлся в воображении моем и дом с красными занавесами; тут же, неизвестно каким образом, являлся как действующее лицо и отец, который сам же мне рассказывал эту сказку, и матушка мешавшая нам обоим идти неизвестно куда ...» (232).

Неточка сумела дожидаться времени, когда она сможет поговорить с отцом и обсудить предстоящие для них приготовления для ухода с чердака в выдуманный ею счастливый и беззаботный мир, но была не понята и отвергнута Ефимовым. В данном эпизоде важным приемом раскрытия характера является у Достоевского не только описание внешнего поведения героев (гнев, страх, обида, слезы и т.д.), но и внутреннего: поступок Ефимова перевернул сознание Неточки, счастье вновь сменилось чувством одиночества, опустошенности. Важно подчеркнуть, что именно слезы – важная эмоциональная составляющая главной героини, применяемая Достоевским при изображении не только внешнего, но и внутреннего состояния Неточки на протяжении всего повествования: героиня, переживая каждое событие в жизни, плачет от горя, непонимания и, нередко, от переизбытка радости и восторга.

Противоречивость характера Неточки Незвановой проявляется прежде всего в том, что, несмотря на безразличие Ефимова, она остается верна ему, хотя понимает со временем его истинную сущность. Ф. М. Достоевский, изображая линию отношений Неточки с отчимом, делает акцент на безграничной любви главной героини к Ефимову, переходящей в страсть, одержимость:

«Мало-помалу любовь моя, – нет, лучше я скажу страсть <...> дошла даже до какой-то болезненной раздражительности. У меня было только одно наслаждение – думать и мечтать о нем; только одна воля – делать всё, что могло доставить ему хоть малейшее удовольствие. Я была как безумная от радости, когда он, бывало, хоть немножко приласкает меня. А между тем часто мне было до боли мучительно, что я так упорно холодна с бедной матушкой» (241).

Возникает ряд вопросов: как в возрасте 9-10 лет ребенок может ощущать столь сильные чувства к взрослому, ставшего ей отцом человеку? чем они мотивированы в детском сознании? Постараемся ответить на эти вопросы в ходе нашего исследования.

Неточка оказывается в ситуации выбора между родителями, которые живут в заметной для нее вражде, в непрекращающихся ссорах, предпочтение же отдается отчиму Ефимову, основанное не только на любви, но и на жалости к нему. Героиня с гордостью отмечает:

«Мало-помалу я чувствовала, что даже верх на моей стороне, что я понемногу подчиняла его себе, что я уже была необходима ему. Я внутренне гордилась этим, внутренне торжествовала и, понимая свою необходимость для него, даже иногда с ним кокетничала» (242).

Ф. М. Достоевский часто обращается в романе к приему противопоставления, так, например, по принципу контраста писатель выстраивает линию отношений Неточка-Ефимов и Неточка-мать. Расположение Неточки к матушке было иным, нежели к отцу. Неточка считала мать виноватой в несостоятельности и разгульности отчима, в сознании героини укрепилась мысль, что отчим терпит от матери много горя. Отсюда у Неточки развилась бескрайняя любовь к отцу и неприятие и непонимание материнских чувств. Героиня неоднократно подчеркивает:

«Не понимаю, как такое чудовищное понятие могло составиться в моем воображении. И насколько я привязалась к отцу, настолько возненавидела мою бедную мать. До сих пор воспоминание обо всем этом глубоко и горько терзает меня» (227).

Неточка старалась избегать общения с матерью, ей казалось, что они обе чуждались друг друга, не могли отыскать общих точек соприкосновения. Следует отметить, что именно мать преобразовала имя «Анна» в уменьшительно-ласкательный эквивалент «Неточка», выражая тем самым теплоту чувств и любовь к собственному ребенку. Данная деталь говорит о ложном понимании Неточкой сущности ее взаимоотношений с родным человеком. Таким образом, Достоевский вновь обращается к приему, который подчеркивает несоответствие между внешним поведением и внутренними переживаниями героя: мать не могла не любить Неточку, но обстоятельства, в которых ей приходилось существовать (смерть первого мужа, ссоры с Ефимовым, безвыходность жалкого положения, нищета), почти уничтожили в ней светлые искренние чувства, веру в счастливое будущее для себя и ребенка. За маской безразличия, опустошенности скрывались сильная любовь к Неточке, желание помочь, защитить и утешить. Когда мать изредка проявляла к дочери ласковые чувства, обращаясь к ней «Дитя мое, Аннета, Неточка!», главную героиню останавливало в проявлении чувств ее совершенно фантастическая любовь к отцу, но она осознавала, что:

«...как-то не могла не любить ее потихоньку. Я заметила потом, что и многие дети часто бывают уродливо бесчувственны и если полюбят кого, то любят исключительно. Так было и со мною» (231).

Нетрудно заметить, что и во взаимоотношениях Неточки Незвановой с родителями Ф. М. Достоевский усиленно подчеркивает противоречивый характер героини, которая испытывает недетскую любовь к отчиму Ефимову, но не может выразить подобных чувств к матери, отчаянно пытается пробудить в себе нежные чувства по отношению к ней, мучается и сожалеет о том, что не смогла установить с матерью близкую связь.

Обратим внимание на кульминационный эпизод повести «Детство», потрясший душу ребенка и заставивший содрогнуться детскую, еще не уравновешенную психику, – сцену, объединяющую всех членов семьи и раскрывающую истинную сущность каждого родителя. Пользуясь добротой и благосклонностью Неточки, отчим Ефимов, используя манипулятивное воздействие, попросил забрать последние деньги у матушки на посещения концерта знаменитого скрипача С–ца. Героиня отмечает:

«Я как будто предчувствовала это. Но в первое мгновение мысль о том, как рассердится матушка, робость и более всего инстинктивный стыд за себя и за отца удерживали меня отдать деньги» (238).

В поведении Неточки впервые чувствуется недоверие к отчиму, она замечает в совершенном им поступке безрассудность, безумство, одержимость предстоящей встречей с известным человеком. Следует добавить, что для главной героини стал раскрываться истинный характер ее матери, что повлекло за собой более трепетное к ней отношение. Однако в силу возраста и указанных выше причин, в Неточке снова пробуждалась жалость к отчиму, абсолютная покорность, желание быть полезной и нужной для него, любовь к Ефимову перекрывала стыд, смятение, страх. Ф. М. Достоевский тонко изображает душевные переживания Неточки Незвановой, прибегая к «косвенным» приемам психологического анализа посредством «прямого» – внутренний монолог служит описанием героиней непреодолимой муки выбора между родителями:

«Наконец, от внутреннего страдания, у меня началась лихорадка. Когда настала ночь, я не могла заснуть. Болезненные сновидения мучили меня. Наконец я не могла

вынести и начала горько плакать. <...> Никогда еще я не выносила более тяжелой муки. Сердце у меня стеснялось до боли» (239-240).

Любопытно, что подобное поведение характерно для главной героини на протяжении всего повествования: совершив какой бы то ни было поступок, Нечка, претерпевая сильное эмоциональное потрясение, внутренне переживает о правильности выбора собственных действий, испытывает непреодолимое желание в раскаяние. Пожалуй, данный прием, использованный Ф. М. Достоевским, показывает подлинную природу Нечки Незваной, двойственность умственных и душевных переживаний, усиливающихся на протяжении всего повествования.

Предчувствия Нечки были не напрасны, произошла катастрофа, перевернувшая и изменившая судьбу главной героини. Вызванные безумным поведением отца душевные терзания, сцены долгого и нервного «выманивания» денег на концерт приехавшего скрипача привели Нечку к выводу, что для отца Ефимова она является лишь средством для достижения собственных целей:

«Я почувствовала в эту минуту, что ему не жалко меня и что он не любит меня, потому что не видит, как я его люблю, и думает, что я за гостинцы готова служить ему. В эту минуту я, ребенок, понимала его насквозь и уже чувствовала, что меня навсегда уязвило это сознание, что я уже не могла любить его, что я потеряла моего прежнего папочку» (248-249).

Неожиданно в сознании Нечки рождались вопросы, которые она не задавала себе раньше, так, например, героиня с удивлением замечает, что, несмотря на непрекращающиеся ссоры и взаимную злобу, мать до сих пор любит Ефимова, любит не только эгоистичного мужа, но и саму Нечку. Мать, будто проснувшись после долгого сна, под воздействием произошедшего события замечает свою дочь и с ужасом восклицает:

«Это я, – это всё я виновата, несчастная! Что ж с нею будет? что ж с нею будет, когда я умру? <...> На кого ты останешься, когда и при жизни-то я не могу воспитать тебя, ходить и глядеть за тобою? Ох, ты не понимаешь меня! <...> Бедная, бедная моя! А я и не заметила, как она выросла; она знает, всё знает! Боже мой! какое впечатление, какой пример!» (253).

Важно отметить, что пониманию образа главной героини способствует важный прием, использованный Ф. М. Достоевским при обрисовке ее характера, – предрасположенность к психологическому самоанализу, рефлексии: Нечка в десять лет уже действительно многое понимала и осознала, была склонна к оцениванию не только себя, но и окружающих ее людей. Например:

«Сердце мое было уязвлено с первого мгновения, и с непостижимою, утомляющею быстротой началось мое развитие. Я уже не могла довольствоваться одними внешними впечатлениями. Я начала думать, рассуждать, наблюдать; но это наблюдение произошло так неестественно рано, что воображение мое не могло не переделывать всего по-своему» (226).

Следует также подчеркнуть, что Нечка Незванова наблюдательна не по годам, от ее взгляда не ускользает ни одна эмоция находящихся рядом с ней людей: «я заметила, что он [Ефимов] был смущен»; «он [Ефимов] избегал моих взглядов»; «он [Ефимов] ужасно переменялся и беспрерывно взглядывал на меня и на матушку»; «я изумилась, потому что он [Ефимов] с ней почти никогда не разговаривал»; «мне показалось, что он [Ефимов] был страшно бледен»; «он [Ефимов] решительно сам походил на ребенка»; «я никогда не видала ее [мать] в таком волнении: губы ее дрожали, бледные щеки вдруг разгорелись, и она по временам вздрагивала всеми плечами» и т.д.

Характерен в выражении надломленности и ожидания необратимых для всей семьи последствий музыкальный мотив (род деятельности Егора Петровича Ефимова; его скрипка, которая представляет собой не только символ творчества, но и олицетворяет нечто священное, сокровенное для самого Ефимова; приезд знаменито скрипача С–ца, на концерт которого собирался попасть отчим Нечки), пронизывающий повесть «Детство», – нервно издающая мелодию скрипка. Минуты отчаяния, в которые Нечка догадывается о смерти матери, охвачены ужасающей мелодией, которую исполнял Ефимов:

«Это была не музыка... <...> Это были не звуки скрипки, а как будто чей-то ужасный голос загремел в первый раз в нашем темном жилище. <...> ... стоны, крик человеческий, плач; целое отчаяние выливалось в этих звуках, и наконец, когда загремел ужасный финальный аккорд, в котором было всё, что есть ужасного в плаче, мучительного в муках и тоскливого в безнадежной тоске» (255-256).

С удивительной силой изображены Ф. М. Достоевским переломные сцены в «Неточке Незвановой». Обращаясь к «косвенным» приемам психологического анализа, писатель с помощью мимики, жестикуляции и поведения героев показывает внешнее выражение их внутреннего состояния: например, «я вздрогнула»; «я упала на пол и пролежала несколько минут как бездыханная»; «я как бесчувственная бросилась на нее и обняла ее труп»; «я залилась слезами»; «он [Ефимов] был ужасно бледен; губы его двигались и что-то шептали» и др. Мы уже говорили об отсутствии полного психологического портрета главной героини, это же характерно и для других персонажей повести «Детство». Изображая только внешние детали (поведение, поступки, жесты, мимика), Достоевский составляет целостный образ того или иного героя, так, например, мы понимаем психологический тип Ефимова, сумасшедшего, бездарного, потерянного, запутавшегося в себе человека, для которого не представляется возможным выйти из того положения, в котором он оказался.

Безумие Ефимова достигло апогея, осознав смерть жены, он переключил внимание на Неточку, собираясь покончить с тем, что, по его мнению, отравляло жизнь и не давало возможности для счастливого существования. Но, вовремя придя в себя, Ефимов поспешил покинуть дом, объясняя Неточке, указывая на жену, что не он виноват в ее смерти. Неточку, с одной стороны, переполняла радость, что ее мечты сбылись, что она покидает чердак в поисках лучшей жизни вместе с отцом, но с другой – ее терзали мысли: как они могли оставить тело бедной матери как вещь. Поняв истинный характер матери, Неточка уже не могла смириться с мыслью о приближающемся одиночестве. Ф. М. Достоевский при описании ухода от старой жизни вновь обращается к приему передачи внутренних переживаний героя через внешнее их проявление: «я обернулась и увидела, что он [Ефимов] уже сбежал с другой стороны и бежит от меня...»; «я закричала и в страшном испуге начала догонять его»; «ноги подкашивались»; «я начала плакать, кричать» и др.

Побег Ефимова от Неточки и его смерть – заключительные эпизоды повести «Детство», в которых главная героиня приходит к логическому обоснованию его ухода в форме развернутого внутреннего монолога:

«Он умер, потому что такая смерть его была необходимостью, естественным следствием всей его жизни. Он должен был так умереть, когда всё, поддерживавшее его в жизни, разом рухнуло, рассеялось как призрак, как бесплотная, пустая мечта. Он умер, когда исчезла последняя надежда его, когда в одно мгновение разрешилось перед ним самим и вошло в ясное сознание всё, чем обманывал он себя и поддерживал всю свою жизнь. Истина ослепила его своим нестерпимым блеском, и что было ложь, стало ложью и для него самого» (260).

«Я пробудилась для новой жизни», – подытоживает Неточка Незванова. Героиня теряет обоих родителей, но не теряет себя, у нее появляются другие возможности, к которым она еще не готова и в которые она еще не в состоянии поверить. В детские годы в ней развилось чувство отчужденности, обособленности от внешнего мира, чувство одиночества и недоверия окружающим, начал формироваться противоречивый характер мечтательницы – все это естественным образом повлияло на дальнейшую судьбу главной героини.

3.2. «Новая жизнь» (гл. IV–V)

Вторая часть романа «Новая жизнь» повествует о жизни Неточки Незвановой в доме «с красными занавесами» князя X-ого – человека, взявшего ее на воспитание после смерти родителей. Глава открывается обширным внутренним монологом главной героини, которая, ощущая разницу между собой и домочадцами, отмечает, что на новом месте ей все казалось непривычным:

«...я мало-помалу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужих людей. Тогда в первый раз почувствовала я, что я сирота. <...> ... мне всё казалось странным и чудным, всё меня смущало: и новые лица, и новые обычаи, и комнаты старого княжеского дома...» (261).

Ф. М. Достоевский для характеристики дискомфортного состояния Неточки обращается к описанию интерьера княжеского дома. Если раньше в вооб-

ражении героини этот дом принимал вид чего-то сказочного, царственного, великолепного, то теперь Неточку он по-настоящему пугает, беспокоит: «комнаты... большие, высокие, богатые, но такие угрюмые»; «я серьезно боялась пуститься через какую-нибудь длинную-длинную залу»; «останавливалась я перед какой-нибудь картиной, зеркалом, камином затейливой работы или статуей, которая как будто нарочно спряталась в глубокую нишу, чтоб оттуда лучше подсмотреть за мной и как-нибудь испугать меня» и т.д.

По принципу контраста Достоевский выстраивает и линию взаимоотношений Неточки Незвановой с домочадцами: к ней, как к новому члену семьи, в доме князя относились по-разному.

Глава семейства князь Х. принял Неточку как родную, следил, чтобы каждый член семьи относился к ней с должным уважением. Заботился о ней, любил, говоря: «Больной, слабый ребенок, такая мечтательная пугливая девочка, фантазерка...» (295). Стоит заметить, что между Неточкой и князем Х. писателем проводится параллель – внутренне он также был одинок, беспокоен, молчалив: «князь жил в своем доме чрезвычайно уединенно»; «все домашние мало говорили об нем [князе Х.], как будто его и не было в доме»; «все смотрели на него [князя Х.] как на какого-то чудного и странного человека», вероятно, именно поэтому с главной героиней у них выстроились теплые и доверительные отношения.

На образ князя Х-ого обращали внимание советские литературоведы, в частности В. С. Нечаева подчеркивает: «Его роль набросана несколькими мало конкретными штрихами, лишена жизненных деталей и анализа его психологии»¹. Замечание исследовательницы, на наш взгляд, является справедливым. Личность его до конца не раскрыта, о нем есть только небольшая часть информации: это пожилой и серьезный человек, питающий любовь к искусству. Достоевским даны также упоминания о знакомстве князя Х-ого со скрипачом Б., интересе к музыканту Ефимову и концерте в его доме знаменитого С-ца. В. С. Нечаева выделяет и положительные характеристики князя: вниматель-

---

¹ Нечаева В. С. Ранний Достоевский (1821-1849). С. 189.

ность, гуманность и душевное благородство, проявленные по отношению к Неточке, которого она полюбила более других.

Подробного психологического портрета Ф. М. Достоевский избегает при обрисовке и жены князя X-ого, обращая внимание читателей только на определенные внешние детали ее образа («пронзительные черные глаза», «крепко сжатые тонкие губы») и делая акцент на несоответствии внешнего и внутреннего ее состояния: если во время визитов гостей княгиня по отношению к Неточке была приветлива, ласкова, внимательна, то после их окончания проявлялось ее истинное отношение, она становилась все более отстраненной, строгой, серьезной. Таким образом, взаимоотношения между княгиней и главной героиней складывались довольно противоречиво: княгиня приняла Неточку, была добра к ней, но материнских проявлений чувств от нее не последовало, она быстро потеряла интерес к девочке, старалась не замечать ее, относилась грубее после каждого проступка, старалась ограничить их общение с Катей, приписывая перемену в ее характере влиянию Неточки.

Емко, но довольно отчетливо представлен в романе образ старой тетушки князя. Ф. М. Достоевский вводит в повествование историю ее жизни, в том числе, как она оказалась в княжеском доме, а также описание портретных характеристик: «маленькая, худощавая старушка»; «одевалась вся в черное, всегда в платье из простой шерстяной материи»; «накрахмаленные, собранные в мелкие складки белые воротнички». Старая княжна, которая была важным лицом в доме и почиталась более других, к появлению нового человека отнеслась весьма безразлично, более того после знакомства с Неточкой отметила, что она произвела на нее тягостное, даже негативное впечатление:

«Помню, что я ей совсем не понравилась, замечено было, что я совсем дикая, не умею ни присесть, ни поцеловать руки» (267).

Обращаясь к «косвенным» приемам психологического анализа, Достоевский подчеркивает в поведении Неточки внутреннее и внешнее беспокойство до и после момента знакомства с теткой князя: «я не спала всю ночь»; «я всю ночь бредила»; «я заплакала»; «я сидела весь день, не шелохнувшись» и т.д.

Взаимоотношения Неточки и княжны были непростые, но, справедливости ради, стоит отметить, что все члены семьи подвергались жесткой критике со стороны пожилой родственницы, в ее присутствии становились покорнее, но в то же время глубоко уважали и считались с ее мнением.

Мадам Леотар, воспитательница, образ которой в романе изображен Ф. М. Достоевским лишь схематично, видела за закрытостью Неточки внутреннюю силу, искренность, интеллектуальные задатки, найдя в ней любовь к чтению и способности к обучению:

«Родители ее были бедные люди и не могли ей нанять учителей; она сама училась, потому что у ней хорошее, доброе сердце. <...> Ведь она – сиротка. У ней нет никого» (279).

Важно, на наш взгляд, отметить, что писатель на протяжении всей IV главы повести «Новая жизнь» неоднократно заостряет внимание читателей на болезненном состоянии Неточки Незвановой, которое развилось под влиянием различных внешних факторов: во-первых, смерть родителей, которая оставила глубокий след в душе героини; во-вторых, переезд в новую семью, к совершенно незнакомым людям, большинство из которых, как мы уже успели заметить, относились к ней весьма противоречиво, нередко проявляли и жалость. Достоевский также подчеркивает в Неточке желание уединиться, скрыться от всего, что окружало ее в этой непривычной обстановке, ей было некомфортно, неуютно в стенах нового дома. Доказательством этому служит частое обращение Достоевского к описанию внутреннего состояния героини через внешнее его проявление: «я бледнела»; «я заснула в лихорадке»; «я вся дрожала»; «я, громко рыдая, не в силах более скрывать тоску свою и в бессилии упав на колени» и т.д.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что внутреннее состояние Неточки Незвановой в период нахождения в доме князя X-ого обострялось, потеря близких людей и невозможность, а вернее сказать нежелание, апатия Неточки найти общие точки соприкосновения с семьей, взявшей ее на дальнейшего воспитания, еще более развили в героине чувство одиночества, глубо-

кой тоски, брошенности. Анализируя собственное положение в княжеском доме, Неточка отмечает:

«Хотя моя история была очень необыкновенная и в ней большую часть играла судьба, разные, положим, даже таинственные пути, и вообще было много интересного, неизъяснимого, даже чего-то фантастического, но я сама выходила, как будто назло всей этой мелодраматической обстановке, самым обыкновенным ребенком, запуганным, как будто забитым и даже глупеньким» (263).

Усложнение характера Неточки Незвановой проявляется в особых взаимоотношениях с ее ровесницей княжной Катей, которая произвела на главную героиню приятное первое впечатление. Немаловажным приемом, позволяющим заглянуть в душу героев, остается в романе портрет, и одним из более прорисованных образов в романе – образ Кати:

«С первого взгляда на нее, – каким-то счастьем, будто сладким предчувствием наполнилась вся душа моя. Представьте себе идеально прелестное личико, поражающую, сверкающую красоту, одну из таких, перед которыми вдруг останавливаешься как пронзенный, в сладостном смущении, вздрогнув от восторга...» (271).

Ослепительная красота девочки возбудила в Неточке не только чувство эстетического наслаждения, но и влюбленности в свою новую подругу. Разрабатывая образ княжны Кати, Ф. М. Достоевский использует прием несоответствия внешних и внутренних черт героини: ангельская внешность Кати противопоставляется ее горделивому характеру, самолюбию, избалованности и упрямству. Внутренние переживания героини часто подчеркиваются лишь внешними деталями, например, «покраснеть, сгореть от стыда – было ее первым движением почти при каждой неудаче»; «губки ее слегка потрогивались, подбородок вздрагивал, глазки повлажнели»; «княжна вспыхнула, но мигом преодолела свое волнение»; «она стояла как ошеломленная, руки ее повисли по бокам; побледневшее личико глядело в землю» и т.д.

По принципу контраста, излюбленному Достоевским в романе, изображены характеры Неточки и Кати: если княжна любила «резвиться, бегать, была сильна, жива, ловка», то Неточка, совершенно напротив, «была слаба еще от болезни, тиха, задумчива».

Стараясь быть полезной, интересной и нужной для Кати (обратим внимание на параллель с образом музыканта Ефимова, которому Неточка старалась угождать единственно для того, чтобы он обратил на нее внимание), Неточка стремилась понравиться ей, но навыками общения героиня не обладала, ей приходилось только мечтать о встрече с подругой, находиться наедине с новыми для нее ощущениями, терпеть жестокость и дерзость с Катиной стороны, мучиться от ее безразличия, ссылаясь на собственную странность. Обращаясь к приемам внутреннего монолога и психологического самоанализа, Достоевский показывает, как Неточке было тяжело обходиться без внимания ее новой подруги, пыталась отыскать в себе недостатки и понять, почему на проявление искренности она получает взамен лишь грубость и унижения. Например, «я всеми силами обвиняла себя, всеми силами старалась доказать себе, что я во всем виновата»; «грусть разрывала мою душу, и чувство справедливости и негодования начало восставать в моем оскорбленном сердце» и т.д.

Необходимо также обратить внимание на способность главной героини к самопожертвованию, которая является ее характерной чертой. В любых ситуациях (см., напр.: сцена диалога Неточки и Кати о прошлой жизни главной героини (279-280); сцена с бульдогом сэром Джоном Фальстафом, которого Катя в отместку выпустила наверх к старой тетке князя (290-293)) Неточка берет вину на себя, оберегая Катю от наказаний, получая искреннюю радость от того, что становится полезной для княжны.

Способность Неточки к наблюдению и анализу окружающих ее людей, проявившаяся с ранних лет, усиливалась: «я замечала, что по временам кто-нибудь из домашних и из прислуги заглядывал в ту комнату, в которой я находилась, и опять уходил, не сказав мне ни слова»; «Фальстаф был хладнокровен и флегматик, но зол как тигр, когда его раздражали»; «княжна [Катя] была воодушевлена, как я еще никогда ее не видала» и т.д.

Также Неточка замечала особый характер отношений между членами семейства. Мы уже говорили ранее, важную роль в жизни Неточки играл отчим Ефимов, которого она любила более других. Похожее отношение испытывала

к отцу княжна Катя: она была открыта в общении с ним, вежлива, ласкова, проявляла к нему самые нежные и искренние чувства. С матерью, совершенно, напротив, замкнута, неразговорчива, осторожна.

Остановившись на образе княжны Кати, отметим, что она в начале взаимоотношений с Неточкой выражала чрезвычайное любопытство к новому члену семьи, считала Неточку странной, осуждая ее пассивность и молчаливость, ощущала превосходство Неточки в изучении французского языка, что оскорбляло ее самолюбие и вселяло злобу и ненависть, даже ревновала к отцу, с которым у нее были теплые и доверительные отношения. Княжна старалась быть сдержанной в проявлении чувств, соблюдала определенную дистанцию, но она замечает, что происходит с Неточкой в моменты их встреч (Неточка была не в силах скрывать чувство радости и счастья в присутствии Кати), она делала неявные попытки привлечения внимания Неточки (эпизод с бульдогом Фальстафом, не подпускавшего к себе никого, кроме княгини, которого, переступая через собственные страхи, Катя решила погладить, доказав себе и Неточке победу над ним (285-286)).

Спокойному и, казалось, безразличному поведению Кати противостоят мучительные душевные переживания Неточки, сопровождаемые развернутыми внутренними монологами. Прием длительной психологической подготовки, использованный Ф. М. Достоевским в данной части повествования, подчеркивает усиливающиеся чувства Неточки, страдающей от одиночества и равнодушия княжны Кати и жаждущей признаться ей в своей влюбленности: «все во мне волновалось от какого-то нового, необъяснимого ощущения»; «влечение мое к ней уже не знало пределов»; «я изнывала в тоске, тысячу раз готова была броситься к ней на шею» и т.д.

Неточка осуществляет самоанализ собственных чувств по отношению к Кате:

«Чувства мои обладают какою-то необъяснимою растяжимостью, если можно так выразиться; моя натура терпелива до последней степени, так что взрыв, внезапное проявление чувств бывает только уж в крайности» (287).

Отмеченная самой Неточкой такая черта как терпение действительно характерна для ее натуры. Героиня терпеливо ждет удобного часа, удобного случая, когда она сможет в полной мере выразить то, что чувствует. Но Неточка достаточно скрытна и непрямойна, она не показывает истинные переживания, от чего и кажется окружающим в высшей мере странной, остается непонятой.

На наш взгляд, в романе есть одна любопытная деталь, выделенная Ф. М. Достоевским: Неточка крадет у Кати ленточку и платок, которые символизируют в произведении не только красоту, олицетворением которой являлась княжна Катя, но и характер их длительных, натянутых и запутанных взаимоотношений. Между героинями изначально не было дружбы, со стороны главной героини ощущается явное влечение к Кате как источнику удовлетворения физических и эмоциональных желаний.

Таким образом, происходит трансформация любви, испытываемой Неточкой к главному объекту ее внимания. Любовь для героини, как мы уже отмечали, – это страсть, охватывающая ее сознание и доходящая до максимальной точки выражения. К отчиму Ефимову чувство любви проявлялось в сглаженной форме: Неточка жаждала внимания отчима и страдала от его недостатка, любовь основывалась на чувстве жалости к Ефимову, на понимании ничтожности и обездоленности его судьбы, ей казалось, что она станет для него тем существом, в котором он найдет спокойствие и утешение. Привязанность же к Кате принимала вид эротической стихии: Катя была объектом наваждения и влечения Неточки, потребность в телесном контакте была для героини необходимым желанием. Достоевский показывает, как внутренние чувства Неточки перетекали во внешнее их проявление:

«Я заглядывалась по целым часам на спящую Катю при слабом свете ночной нашей лампы; иногда садилась к ней на кровать, нагибалась к лицу ее, и на меня веяло ее горячим дыханием. Тихонько, дрожа от страха, целовала я ее ручки, плечики, волосы, ножку, если ножка выглядывала из-под одеяла» (287).

Ответное чувство княжны Кати ждет Неточку после уже упомянутого нами эпизода, связанного с бульдогом Фальстафом, которого проказница Катя

выпустила в верхнюю комнату к старой тетке князя, боявшейся его и строго запрещающей кому бы то ни было подпускать животное к границам ее личного пространства. Неточка и раньше замечала перемену в поведении своей подруги: «Катя становится со дня на день задумчивее; характер ее стал терять свою ровность»; «она стала раздражительна, взыскательна, краснела и сердилась очень часто» и т.д.

Таким образом, при обрисовке характера княжны Кати Ф. М. Достоевский использует прием несовпадения ее внешнего облика и внутреннего состояния: она тоже любила Неточку, но гордость и упрямство, ей присущие, мешали полному эмоциональному раскрытию, доказательством этому служат ее частные капризы, изменения в настроении, желание задеть и обидеть Неточку с целью привлечения внимания. Однако после того как Неточка вину по допуску Фальстафа на запрещенную для него территорию взяла на себя, история «странных» взаимоотношений героинь подходит к логической развязке: Катя призналась Неточке в давно тщательно скрываемых чувствах, и внутреннее состояние девочек находит, наконец, внешнее выражение:

«Мигом она вскочила с места и, вся покрасневшись, вся в слезах, бросилась мне на шею. Щеки ее были влажны, губки вспухли, как вишенки, локоны рассыпались в беспорядке. Она целовала меня как безумная, целовала мне лицо, глаза, губы, шею, руки; она рыдала как в истерике; я крепко прижалась к ней, и мы сладко, радостно обнялись, как друзья, как любовники, которые свиделись после долгой разлуки» (296).

Для главной героини ночной диалог с Катей, содержащий откровения девочек (возникновение первых чувств, прошлые обиды), был отправной точкой для мыслей о благополучном будущем, о котором грезил Неточка, находясь в доме князя Х.-ого. Вопреки ожиданиям главной героини, роман продолжался недолго: из-за внезапной поездки семьи князя в Москву девочкам суждено было прервать отношения, заключающие в себе палитру эмоций от непонимания, гнева и ненависти до полной гармонии, наслаждения и счастья. Неточка отмечает, что следующее их свидание состоялась через восемь лет после последней встречи, но в силу незавершенности романа, данный факт остается неподтвержденным. Любопытно, как два противоположных характера

в столь раннем возрасте смогли проникнуться настоящими, не по-детски взрослыми, сильными чувствами друг к другу, как кроткая, робкая, забитая Неточка могла полюбить горделивую, властную, избалованную Катю, и наоборот. История взаимоотношений Неточки и княжны Кати дана через призму восприятия главной героини повествования, что не только усиливает степень искренности и эффект сопереживания, но и в раскрывает истинный характер Неточки, заключающий в себе противоречивые черты: замкнутость, тревожность, робость, но вместе с тем доброту, открытость души, способность к сопереживанию и мечтательность. Неточка обладала способностью увидеть за внешней грубостью и горделивостью Кати то, за что она смогла ее побить: за неприступностью стояла девочка, так же, как и Неточка, ищущая понимания и любви.

3.3. «Тайна» (гл. VI–VII)

Третья повесть «Тайна» событийно не отличается от повестей «Детство» и «Новая жизнь»: в возрасте десяти лет Неточка, в связи с семейными обстоятельствами князя X-ого, попадает в дом Павла Александровича и Александры Михайловны, старшей дочери княгини, где жизнь ее протекает размеренно, спокойно и, отчасти, отчужденно. По словам самой Неточки Незвановой, переезд в новый дом был для нее испытанием, к которому она была не готова из-за большого количества перенесенных ранее эмоциональных переживаний. В данной части повествования Ф. М. Достоевский обращается к «прямым» приемам психологического анализа, вводя внутренние монологи главной героини, раскрывающие ее подавленное и одинокое состояние:

«И вот вечером я вошла в другую семью, в другой дом, к новым людям, в другой раз оторвав сердце от всего, что мне стало так мило, что было уже для меня родное. Я приехала вся измученная» истерзанная от душевной тоски...» (305).

Сравним появление Неточки в новой семье с описанием чувств при переезде в дом «с красными занавесами» князя X-ого, на котором мы уже останавливали свое внимание: «сначала мне всё казалось странным и чудным, всё меня смущало: и новые лица, и новые обычаи»; «комнаты... большие, высокие, богатые, но такие угрюмые, мрачные»; «я серьезно боялась пуститься через какую-нибудь длинную-длинную залу, в которой, мне казалось, совсем пропаду» и т.д. Таким образом, переезды Неточка переносила тяжело, она оказывалась психологически не готова к резкой смене обстановки, адаптационный период проходил долго и мучительно, тоска и воспоминания о прошедшем лишали покоя детское сознание главной героини.

Обратимся к ключевым персонажам, вокруг которых будут разворачиваться основные события повести «Тайна», – Александре Михайловне, Павлу Александровичу и некому С.О., автору любовного письма. Важным приемом изображения героев остается в романе портрет, наиболее целостно представлен образ Александры Михайловны.

В современном литературоведении данный образ вызывал особый интерес и рассматривался как один из типов нравственно опустившихся женщин (вспомним работы Н. Ю. Зиминой, М. В. Загидуллиной – Н. К.). В частности, Н. Ю. Зиминая указывает, что Достоевский дважды дает портрет этой героини в восприятии Неточки. Первый раз Неточка видит ее молодой и бездетной женщиной «лет двадцати двух, тихая, нежная, любящая» (304). Во второй – перед нами уже портрет тридцатилетней матери двоих детей: «ясные, спокойные черты лица»; «густые черные волосы, зачесанные гладко книзу»; «большие детски ясные голубые глаза»; «робкая улыбка» (310). Темные волосы, по замечанию Н. Ю. Зиминой, – один из признаков падшей женщины в произведениях Достоевского. Исследовательница предполагает, что темный цвет «имеет связь с глубинными мифологическими представлениями о Свете и Тьме. Любопытно отметить, что "кроткие" героини Достоевского, как правило, блондинки, в то время как "мучительницы" темноволосы»¹. Голубой

---

¹ Зиминая Н. Ю. Образ падшей женщины в незаконченном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова».

цвет глаз героини усиливает контрастность по сравнению с цветом волос и подчеркивает противоречивость образа.

При изображении героини Ф. М. Достоевский вновь использует прием несоответствия внешнего облику и ее внутреннему состоянию: Незванова улавливает

в прекрасных чертах Александры Михайловны некую грусть, которая не сочетается с внешним обликом, а также замечает худобу, бледность и болезненность героини, что усиливает трагизм образа.

Помимо портретных характеристик Н. Ю. Зими́на отмечает образованность Александры Михайловны, ее начитанность и музыкальность. По отношению к Неточке она выступает в роли матери, учителя, подруги и даже соперницы, близость обеих героинь омрачается в заключительной части романа семейной тайной, которую случайно раскрывает Неточка. «Это открытие, – пишет Зими́на, – имеет смысл некой инициации (примечательно, что происходит оно, когда героиня находится в знаковом, пороговом возрасте – шестнадцать лет), приобщая девушку к миру отношений взрослых людей»¹.

Материнская любовь и забота, которыми Неточка не насытилась, живя с родителями, воплотились в образе Александры Михайловны, которая очень скоро полюбила и приняла Неточку, не делая различий между ней и собственными детьми. Близость героинь обусловлена схожестью их характеров: в своей покровительнице Неточка узнала тихую, скромную, восприимчивую ко всему, мечтательную себя. Неточка отмечает:

«Она привязана была ко мне всей душой, полюбила меня, как родное дитя свое, и я, еще с неостывшими слезами от разлуки с Катей, еще с болевшим сердцем, жадно бросилась в материнские объятия моей благодетельницы. С тех пор горячая моя любовь к ней не прерывалась. Она была мне мать, сестра, друг, заменила мне всё на свете и взлелеяла мою юность» (305-306).

Портрет Павла Александровича, мужа Александры Михайловны, изображен менее подробно: «это был человек высокий, худой»; «он был несообщитель-

---

¹ Там же.

телен, сух» и т.д. Следует подчеркнуть, что Ф. М. Достоевский при обрисовке внешности Петра Александровича особенно выделяет его глаза (вернее сказать, взгляд, скрывающийся за зелеными очками, – Н. К.), предстающие в качестве созидательной и разрушительной силы, наводящие на Неточку смятение, волнение и ужас еще с момента переселения в дом супружеской пары. Увидев однажды висевший на стене портрет Петра Александровича, Неточка отмечает:

«Я еще в детстве не любила его взгляда по непонятному, странному предубеждению, но как будто это предубеждение теперь оправдалось. Воображение мое было настроено. Мне вдруг показалось, что глаза портрета с смущением отворачиваются от моего пронзительно-испытующего взгляда, что они силятся избежать его, что ложь и обман в этих глазах» (332).

«Косвенные» приемы психологического анализа, использованные Достоевским при изображении Петра Александровича, – поступки, жесты, мимика помогают нам в понимании его истинной натуры. За его внешней деловитостью, серьезностью, занятостью служебными делами, скрывались неприятные, отчасти демонические, черты, отталкивающие Неточку: безразличие, излишнее высокомерие, театральность. Неточка ощущала некую наигранность со стороны Павла Александровича, что возмущало ее детское сознание: выражалось это в его снисходительной улыбке, которой он одаривал свою жену, исполняя ее желания, но, опомнившись, принимал суровый вид; театральные слезы, которыми вызывал у жены сочувствие и совестливость за ее импульсивные укоры и жалобы в его адрес; неестественное проявление ласки и нежности в адрес жены. Таким образом, подчеркивая противоречивость героя, Ф. М. Достоевский при изображении Павла Петровича использует прием несоответствия его внешнего облика внутреннему состоянию.

С самого начала пребывания в доме супругов у Неточки возникают подозрения, что между ними существует некая недосказанность, переросшая в последствии в большую тайну, скрывающаяся за видимой, на первый взгляд, любовью. Во-первых, на это указывает замеченная Неточкой разность характеров Александры Михайловны и Павла Александровича; во-вторых, верно обнаруженное ею внутреннее состояние Александры Михайловны, выражающееся в беспокойстве, робости перед мужем, смятении, тоске, затворничестве; в-тре-

тых, Неточка безошибочно уловила возникшее между супругами напряжение: несмотря на то, что Александра Михайловна благоговела перед мужем, любила его, ей было тяжело вместе с ним, она была вынуждена находить в разговоре с ним правильные слова, следить за внешним выражением своих эмоций, чтобы найти в глазах мужа одобрение совершаемых ею действий. Обращая внимание на взаимоотношения жены и мужа, Неточка замечала частую перемену внутреннего состояния Александры Михайловны, которое выражалось то во внешнем спокойствии, радости и умиротворении: «она вдруг становилась добра, весела, радостна, целовала меня, смеялась со мной или подходила к фортепьяно и импровизировала на них часа два» (307), - то в приступе неконтролируемых истеричных эмоций: «нередко радость ее вдруг прерывалась: она начинала плакать, и когда я смотрела на нее, вся в тревоге, в смущении, в испуге, она тотчас уверяла меня шепотом, как будто боясь, чтоб нас не услышали, что слезы ее так, ничего, что ей весело...» (307).

Наблюдения за жизнью супругов наталкивали героиню на мысль о том, что недаром между ними такие сложные и странные взаимоотношения, недаром Петр Александрович терроризирует бедную и беспомощную женщину, не знающую, как вести себя в его обществе.

В данной повести обращает на себя внимание духовный рост Неточки Незвановой, развивающийся и укрепляющийся в юные годы под воздействием Александры Михайловны, отказавшейся от традиционной системы воспитания и дававшей Неточке новые знания о жизни в роли не учителя и наставника, а близкой подруги.

Многое в характере героини корректируется под влиянием различных факторов, которые не определили, а лишь усилили те качества, которые были заложены в Неточке Незвановой от природы. Так, чтение благоприятствовало проявлению врожденной способности героини мечтать, фантазировать, дало почву ее богатому воображению. Если до момента пребывания в доме Александры Михайловны Неточка осваивала русский и французский языки, то теперь Неточка активно увлекается чтением книг по географии, истории,

музыки. Таким образом, развивая интеллектуальные способности в процессе чтения книг сначала с Александрой Михайловной, а потом самостоятельно в библиотеке (которую героиня отыскала позже), совершенствуя музыкальные способности, Неточка Незванова, прежде забитый и пугливый ребенок, становится в третьей части произведения личностью:

«Я выходила из детства, во мне уж сформировалось много новых впечатлений, наблюдений, увлечений, догадок. <...> ...я испытывала странную потребность оставаться одной и думать, всё думать... <...> ...теперь было больше нетерпения, больше тоски, более новых, бессознательных порывов, более жажды к движению, к подымчивости, так что сосредоточиться на одном, как было прежде, я не могла» (314).

Вместе с неведомыми ранее ощущениями в Неточке Незвановой усиливалось чувство одиночества, поскольку Александра Михайловна вследствие болезни была не в состоянии уделять Неточке время и отдавать, как это бывало ранее, свои силы, делиться опытом. Главная героиня чувствовала ее отчужденность и появившуюся между ними дистанцию, но заразилась таинственностью характера своей покровительницы, отыскав место уединения. Спасение Неточка нашла в запрещенной для нее библиотеке. С интересом и присущей ей любознательностью погружалась она в открывшийся для нее новый мир. Следует отметить в характере героини ранее не свойственные ей решительность и, отчасти, дух авантюризма, поскольку Неточка пошла на обман, несколько лет скрывая свою причастность к домашней библиотеке. С помощью приемов внутреннего монолога и психологического самоанализа, Достоевский описывает состояние героини в момент чтения художественной литературы:

«Я начала читать с жадностью, и скоро чтение увлекло меня совершенно. Все новые потребности мои, все недавние стремления, все еще неясные порывы моего отроческого возраста, так беспокойно и мятежно восставшие было в душе моей, нетерпеливо вызванные моим слишком ранним развитием, – всё это вдруг уклонилось в другой, неожиданно представший исход надолго, как будто вполне удовлетворившись новой пищею, как будто найдя себе правильный путь. Скоро сердце и голова моя были так очарованы, скоро фантазия моя развилась так широко, что я как будто забыла весь мир, который доселе окружал меня» (316).

Обращает на себя внимание и является важным в понимании духовного роста главной героини то, что впервые на данном этапе развития Неточки, в период с 13 по 16 лет, произошло переоценивание собственного положения, внут-

ренного состояния. Обособленность в реальном мире не тяготила ее, героиня радовалась одиночеству и возможности наслаждаться чтением книг, находя в них знакомые переживания и предугадывая то, что ждет ее в дальнейшем:

«Казалось, сама судьба остановила меня на пороге в новую жизнь, в которую я так порывалась, о которой гадала день и ночь, и, прежде чем пустить меня в неведомый путь, взвела меня на высоту, показав мне будущее в волшебной панораме, в заманчивой, блестящей перспективе. <...> Меня хранил мой детский инстинкт, мой ранний возраст и всё мое прошлое. Теперь же сознание как будто вдруг осветило для меня всю прошлую жизнь мою. Действительно, почти каждая страница, прочитанная мною, была мне уж как будто знакома, как будто уже давно прожита; как будто все эти страсти, вся эта жизнь, представшая передо мною в таких неожиданных формах, в таких волшебных картинах, уже была мною испытана» (316-317).

Ф. М. Достоевский соотносит внутренний рост главной героини с ее усиливающимися вокальными данными, которые, вероятно, были вызваны силой и приобретенной уверенностью: «Я всё более и более возвышала голос; во мне возбуждалась энергия, страсть, разжигаемая еще более радостным изумлением Александры Михайловны» (320).

Следует подчеркнуть, что три повести «Детство», «Новая жизнь», «Тайна» объединяет то, что каждая из них имеет центральное событие, влияющее на судьбу Неточки Незвановой и накладывающее отпечаток на ее характер: в повести «Детство» – смерть отца и матери; в «Новой жизни» – ответное чувство княжны Кати, которого Неточка ждала на протяжении долгого времени. В заключительной повести «Тайна» кульминационным становится эпизод случайно обнаруженного Неточкой письма. Данная деталь меняет характер взаимоотношений как супругов, так и Неточки с главой семейства Петром Александровичем. С помощью письма, найденного в романе Вальтера Скотта «Сент-Ронанские воды», Неточке открывается долго мучающая ее тайна жизни супругов, история их загадочных и запутанных отношений. Интересным является тот факт, что это единственный непрочитанный Неточкой роман, который открывается ею с целью предсказания будущего, предстает символом пограничного состояния главной героини, предвещающего перемену в ее характере, который в начале романа изображен Ф. М. Достоевским слабым, кротким, меланхолическим.

Присущие Неточке наблюдательность и сообразительность помогли ей прийти к следующим выводам: во-первых, письмо было старым, на это указывали его истертые складки; во-вторых, письмо, написанное в жанре любовного письма от некого С. О., предназначено одному из членов семьи, а именно Александре Михайловне; в-третьих, оно было прощальным, а также излишне эмоциональным. Упоминание о романе Вальтера Скотта неслучайно: Ф. М. Достоевский использует прием интертекстуальности, выражающейся в наличии общей проблематики, а именно героя и героиню в обоих произведениях (Клара и Фрэнсис Тирелл – «Сент-Ронанские воды»; Александра Михайловна и С. О. – «Неточка Незванова») разделяет тайна, связывающая их, и погубленная любовь.

Автор найденного Неточкой письма, некий С. О., как предполагает Н. Ю. Зимина, – «типичный для раннего Достоевского мечтатель, сродни Ордынову из повести "Хозяйка" или главному герою "Белых ночей"»¹. Это письмо, написанное в сентиментальном духе и содержащее аллюзии на евангельский текст (притча о Христе и блуднице), является ключом к разгадке прошедших и объяснением последующих событий. В «Неточке Незвановой», отмечает Зимина, очевиден платонический характер отношений автора письма и Александры Михайловны (С. О. вспоминает об одном поцелуе, который она ему подарила). Возникающий феномен духовной измены позднее найдет свое воплощение в «Униженных и оскорбленных». Третья часть романа, по замечанию исследовательницы, проникнута пафосом оправдания грешницы, которая понесла наказание не только со стороны своего мужа, но и от общества, отвернувшегося от нее.

Взрослея, но оставаясь не менее впечатлительной и чуткой к переживаниям других людей, Неточка чувствовала себя причастной к любовной драме, отчего испытывала сильное эмоциональное потрясение, от которого не могла избавиться на протяжении длительного времени и впадала в болезненное состоя-

---

¹ Зимина Н. Ю. Образ падшей женщины в незаконченном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова».

ние, сопровождающееся порывами немедленного признания и покаяния в своих действиях, что является одной из основных черт характера главной героини. Писатель вновь обращается к приему внутреннего монолога, который наиболее полно раскрывает беспокойные чувства Неточки:

«Я не могла отвязаться от мучительных образов, являвшихся предо мной поминутно и не дававших мне покоя. Мне представлялось долгое, безвыходное страдание, мученичество, жертва, приносимая покорно, безропотно и напрасно. Мне казалось, что тот, кому принесена эта жертва, презирает ее и смеется над ней. <...> ... мне хотелось всеми силами отвязаться от моего подозрения; я проклинала его, я ненавидела себя за то, что все мои убеждения были не убеждения, а только предчувствия, за то, что я не могла оправдать своих впечатлений сама пред собою» (330).

Подтверждением мысли о том, что в героине происходит духовный рост, является родственная и сильная внутренняя близость между Неточкой и Александрой Михайловной. Если Неточка пыталась угадать характер отчима Ефимова, матери, Кати и других второстепенных персонажей, уловить их настроение, то Александра Михайловна выступает для главной героини человеком, сущность которого ей удалось понять в полной мере. Она почувствовала за маской учтивости, доброжелательности и отзывчивости скрытую скорбь Александры Михайловны, выражающуюся в полной покорности своему мужу Петру Александровичу. Прием маски используется Ф. М. Достоевским и в отношении образа Петра Александровича, характер которого, как и Александры Михайловны, разгадан Неточкой Незвановой. Героине становятся понятна суть истинных отношений супругов. Неточка замечает, что прежде чем войти в кабинет жены, Петр Александрович перед зеркалом «переделывает» своё лицо: напевающий и смеющийся человек (каким Неточка не видела героя ранее) принимает угрюмый, мрачный, озадаченный вид. Ф. М. Достоевский широко использует уже знакомый нам прием передачи внутреннего состояния через внешнее его проявление: «лицо его совсем изменилось»; «улыбка исчезла как по приказу»; «губы искривились», «какая-то судорожная боль нагнала морщины на лоб его и сдавила ему брови»; «взгляд мрачно спрятался под очки».

Способность к нравственному противостоянию по отношению к другому действующему лицу, обнаруживающаяся в третьей части повествования, безусловно, свидетельствует о духовном росте главной героини. Если ранее Неточка опасалась не только собственных чувств, но выражения личных душевных порывов (боязнь заговорить с отчимом и матушкой, признаться Кате в любви), то теперь героиня способна на открытую борьбу, демонстрируя явное презрение и осуждение по отношению к тому, кто, по ее мнению, этого заслуживает. Так, увидев перемену Петра Александровича перед зеркалом, Неточка откровенно рассмеялась в лицо стоящему перед ней врагу. Истеричный хохот – характерная внешняя деталь, подчеркивающая внутренне победное чувство героини. Неточка с точностью угадала состояние Петра Александровича после их неожиданной, но кульминационной для каждого из героев встречи:

«Я знала, что он [Петр Александрович] стоит за портьерами, что, может быть, он колеблется, не зная, войти или нет, что бешенство и трусость приковали его к месту, – и с каким-то раздраженным, вызывающим нетерпением я ожидала, на что он решится; я готова была побиться об заклад, что он не войдет, и я выиграла. Он вошел только через полчаса» (338).

Зародившийся конфликт перерастет в дальнейшем во взаимную ненависть, порождая новые, уже ожидаемые Неточкой удары судьбы. Показательны в этом плане следующие сцены развития конфликта, происходящие в комнате Александры Михайловны.

Первая сцена: войдя в комнату, Петр Александрович заметил смущение и краску на лице Неточки. От неожиданного нападения и нескрываемой грубости со стороны Петра Александровича Неточка не смогла ответить ему, но, распознав ее смятение, Александра Михайловна вступилась за девушку: «Оттого, что вы заставляете ее краснеть и меня также» (339). Со стороны мужа последовало бесцеремонное обвинение, причина которого была уже известна главной героине:

«Я заставляю вас [Александра Михайловна] краснеть, я? За меня вы краснели? Да разве я могу вас заставить краснеть за меня? Вам, а не мне краснеть, как вы думаете?» (339).

Бросившись после сказанных слов к Александре Михайловне, Неточка показала Петру Александровичу руками жест, умоляющий прекратить дальнейшие выяснения, после которого он догадался, что Неточка многое знает о их жизни и тайне, их связывающих. Впервые Неточка заметила искреннюю эмоцию на помертвевшем лице Петра Александровича, он испугался за свою жену, поскольку осознал, что сказанными слова только усугубил ее болезненное состояние. В данной сцене важны подробные описания внешнего состояния героев, с удивительной силой переданных Достоевским: бледное лицо и дрожащие руки Павла Александровича, выражающее мертвенное спокойствие лицо Александры Михайловны, умоляющий жест рук Неточки Незвановой.

«Отвечай мне правду, дитя мое: есть что-нибудь у тебя на сердце такое, от чего бы ты также смутилась, если б тебя о том спросили так же быстро и неожиданно?» (340) —

спрашивает Неточку Александра Михайловна, подозревая мужа в естественном желании мужчины по отношению к Неточке, в их тайной интимной связи. Отрицательный ответ главной героини, ложь во благо, впервые проявившаяся в ее характере, подтверждает, во-первых, что в действительности между Неточкой и Петром Александровичем нет ничего общего, кроме взаимной ненависти, во-вторых, Неточка уберегала свою больную подругу от ненужных сомнений, а также от воспоминаний, сопряженных с образом ее возлюбленного С. О., о которых осведомлена Неточка. Видя до чего Александра Михайловна доходит в своих мыслях (ревность, предчувствие скорой смерти, забота Неточки о детях после ее ухода), Неточка с сожалением и ужасом отмечает:

«Бедная, бедная! Какое подозрение провожает тебя в могилу? Какое новое горе язвит и точит твое сердце, и о котором ты едва смеешь вымолвить слово? Боже мой! Это долгое страдание, которое я уже знала теперь всё наизусть, эта жизнь без просвета, эта любовь робкая, ничего не требующая, и даже теперь, теперь, почти на смертном одре своем, когда сердце рвется пополам от боли, она, как преступная, боится малейшего ропота, жалобы, — и вообразив, выдумав новое горе, она уже покорилась ему, помирилась с ним!» (343).

Таким образом, происходит, на наш взгляд, смена ролей героев — Неточки и Александры Михайловны: если ранее опека и покровительство брались над

ней, то теперь Неточка становится тем человеком, который готов оказать помощь другим (в частности беспокойство о жизни Александры Михайловны и о будущем ее детей).

Вторая сцена: Петр Александрович выслеживает Неточку в библиотеке, застаёт ее держащей в руках письмо от С. О. и обвиняет в тайной переписке с любовниками. Конфликт между героями усиливается, возрастает степень психологического напряжения, подчеркнутого с помощью психологических деталей: «его лицо [Петра Александровича] *все более и более искажалось от злобы*»; «он *бледнел*»; «губы его *кривились и дрожали*»; «я [Неточка] *вздрыгнула от испуга... и вскрикнула*» и т.д. Петр Александрович оскорбляет девушку перед лицом своей жены, вызывая беспочвенную ревность Александры Михайловны. Но Неточка берет вину на себя, как и в случае с Катей, делая все возможное, чтобы уберечь любимого человека:

«Я виновата во всем. Уж четыре года тому, как я вас обманывала. Я унесла ключ от библиотеки и уж четыре года потихоньку читаю книги. Петр Александрович застал меня над такой книгой, которая... не могла, не должна была быть в руках моих. Испугавшись за меня, он преувеличил опасность в глазах ваших!.. Но я не оправдываюсь (поспешила я, заметив насмешливую улыбку на губах его): я во всем виновата. Соблазн был сильнее меня, и, согрешив раз, я уж стыдилась признаться в своем проступке... Вот всё, почти всё, что было между нами...» (348-349).

Данная часть повествования осложняется развернутыми диалогами каждого из героев, с помощью которых раскрываются истинные отношения всех членов семьи друг к другу. Изложив противоречащее истине признание, Неточка надеялась, что у Петра Александровича хватит сил закончить словесные оскорбления. Но он остается верен своей позиции, «добивая» присутствующих ошибочными суждениями, касающимися нравственного облика девушки, грозя выгнать воспитанницу из дома, в злобе напоминает жене о прошлом «грехе», чем доводит её до обморока. Таким образом, внутреннее состояние героев находит свое выражение во внешнем его проявлении (мимика, жесты, тон голоса).

Третья сцена, заключающая в себе развязку конфликта, представлена в виде развернутого монолога Неточки, обращенного к Петру Александровичу,

в котором окончательно обличает его моральное тиранство над женой ради доказательства собственной безгреховности. Неточка открывает глубинный смысл взаимоотношений супругов, в образах которых отчетливо выражена религиозная семантика: Александра Михайловна оказывается невинной жертвой в руках деспотичного Петра Александровича¹.

В заключительной сцене Неточка проявляет себя как личность, способная не только к внутреннему, но и внешнему противостоянию, в ней проявляются решительность, твердость, уверенность, ощущение правильности собственных слов и поступков. Теперь она не похожа на того забитого, тихого, кроткого ребенка, которого мы видим в начале произведения. Финал повести «Тайна» и в целом романа Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» остается незавершенным и открытым, предполагающим вариативность развития дальнейших событий. Встреча у дверей с Овровым дает основания предполагать, что в жизни главной героини грядут изменения.

---

¹ См. об этом: *Зимина Н. Ю.* Образ падшей женщины в незаконченном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании выполненного нами анализа можно сделать следующие выводы: избранная Ф. М. Достоевским форма записок - перволичного повествования, когда субъектом речи и одновременно субъектом сознания является главная героиня незавершенного романа, - позволяет с максимальной полнотой не только раскрывать внутренний мир Неточки Незвановой, но и показывать процесс становления ее характера (от 8 до 17 лет).

Ф. М. Достоевский раскрывает в романе две стороны жизни Неточки: мечтательность и столкновение с реальной действительностью. Первая связана с детством и отрочеством героини (мечты о лучшей жизни, тайная любовь к Кате и т.д.), а вторая – с ее юностью. Однако действительная жизнь влекла Неточку еще с ранних лет, столкнуться с ней предстояло неожиданно, в доме Петра Александровича и Александры Михайловны, в котором она стала участником их семейной драмы.

Время в романе движется неравномерно, что соответствует использованному Ф. М. Достоевским приему длительной психологической подготовки (ожидание возвращения отчима Ефимова с концерта С-ца, ожидание взаимного чувства от княжны Кати, желание Неточки найти путь к разгадке существующей между супругами тайны, на которую уходит около трех лет). Это создает особый, напряженный ритм повествования: быстрые и медленные события

сменяют друг друга, происходят неожиданные сюжетные повороты, изменения судеб и т. д. Действие произведения сосредоточивается, таким образом, на узловых, переломных моментах жизни героини, влияющих на формирование ее характера.

Кризисный характер имеет и пространственная организация незавершенного романа: события, являющиеся ключевыми в жизни главной героини, происходят чаще всего на лестнице, в сенях, перед дверью: в сенях Неточка дожидалась отчима, чтобы передать ему украденные у матери деньги; в доме князя Х. она услышала ту же музыку, которую исполнял Ефимов в последнюю ночь, стоя между двумя портьерами у входа в залу; после тяжелой сцены объяснения с Пером Александровичем и Александрой Михайловной героиню на пороге ее комнаты останавливает Овров.

С процессом становления характера связано стремление Неточки выйти за пределы того кризисного ограниченного пространства и времени, в котором она находится: например, сидя на подоконнике в родительском доме и глядя в окно, Неточка мечтает уйти когда-нибудь из комнаты на чердаке, связывая с этим надежды на лучшее будущее; в последней части произведения она ощущает себя счастливой каждый раз, когда направляется на уроки музыки, покидая дом Петра Александровича.

В «Неточке Незвановой», по сравнению с более ранними произведениями первого этапа творчества писателя, происходит усложнение изображения внутреннего мира человека с его неоднозначным, противоречивым характером. Главным приемом раскрытия внутреннего мира Неточки Незвановой становится внутренний монолог, который, наряду с описательной частью, входит в записки героини. Ф. М. Достоевский опускается портретные характеристики главной героини, подчеркивая тем самым важность не столько физических изменений, происходящих в героине, сколько духовных, нравственных, которые свидетельствуют о ее взрослении.

В процессе взросления в героине формируются следующие черты характера, отличающие ее от других персонажей:

- *способность к рефлексии*, подчеркиваемая словами, выраженными личным местоимением «я» и глаголом 1-ого лица, единственного числа, прошедшего времени: «я понимала»; «я чувствовала»; «я знала»; «я раздумывала»; «я надеялась» и т.д.;

- *наблюдательность*, изучение внутреннего и внешнего состояний других героев, умение понять основные черты их характеров;

- *рост интеллектуальных способностей*, чему способствует чтение книг в большой домашней библиотеке Александры Михайловны и Петра Александровича;

- *обостренное чувство любви*, которое с возрастом становится разумным, избирательным, базирующееся на трепетном и доверительном отношении к другому человеку (Неточка и Александра Михайловна);

- *терпеливость*, позволяющая героине получить после долгого ожидания то, в чем она нуждается;

- *резкая переменчивость настроения*, сопровождающаяся мучительными душевными порывами, болезненным состоянием, непреодолимыми желаниями покаяния;

- *способность к защите ближнего и самопожертвованию*, потребность, компенсирующая недостаток внимания, так выражается естественное желание героини быть понятой, нужной, важной;

- *боязливость*, проявляющаяся как при попадании в непривычную для нее обстановку, так и в выражении чувств по отношению к другим героям (отчиму Ефимову, матери, княжне Кате);

- но, вместе с тем, возникшие впоследствии *твердость, храбрость и смелость характера*: если ранее Неточка боялась встречи с чем-то новым, то на заключительных страницах она предстает преисполненной решимости героиней.

Таким образом, образ главной героини незавершенного романа Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» не статичен. Проведя героиню через разные стадии развития – детство, отрочество, юность - писатель показывает, как постепенно формируется ее характер, как из хрупкого и забитого ребенка

она превращается в девушку с сильным, решительным и смелым характером, способную к сопротивлению. Более того, становится очевидным нравственное превосходство Неточки над другими персонажами романа, ее способность оказывать влияние на других: так, она оказывается выше отчима Ефимова в духовном плане; княжна Катя под влиянием Неточки приобретает опыт преодоления гордыни: с Александрой Михайловной Неточка меняет ролями, встав на ее защиту перед лицом Петра Александровича, которого героиня обезоружила истиной в финале романа.

Следовательно, можно говорить о том, что в процессе работы над романом, оставшимся незавершенным, совершенствовались принципы психологического анализа Ф. М. Достоевского, направленные на изображение сложного, противоречивого характера в его динамике, духовном развитии. Опыт, полученный в процессе работы над «Неточкой Незвановой», будет востребован писателем в его последующем творчестве.